
МАЛ ЗОЛОТНИК ДА ДОРОГ (ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ ИЗ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН)

Валерий Кулешов
(г. Щекино)

PERSONALIA

Родился в 1949 г. в д. Паленка Становлянского р-на Липецкой обл. Учился в Московском энергетическом институте и Липецком филиале Московского института стали и сплавов, служил в Советской Армии. В 1987 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Печататься начал с 1969 г. в газетах «Молодежь Якутии» и «Ленинское знамя» (г. Липецк). Стихи публиковались в журналах «Приокские зори», «Петровский мост» (г. Липецк), «Молодая гвардия» (г. Москва). Автор книг стихов «Власть огня», «Зерна боли», «Мера времен», «Плоть песни», «Корни слова», «Часть света» и других. Член Союза писателей России и Союза журналистов.

* * *

*Как бешеный, ищущ развязки
Своей непостижимой сказки,
Которой имя: свет!*

К. Н. Батюшков

Как проклятый, в реке забвенья
ловлю размытые мгновенья,
которым имя — тень.

Как бешеный, из поднебесья
тяну сквозные звуки песни,
которой имя — свет.

ПАМЯТЬ ЧУВСТВ

Чем дальше прошлое — тем ближе
его присутствие: в лицо
все жарче и светлее дышит
давно сгоревший день... Иди же,
сожми спираль, замкни кольцо.

Глядь, камень своротив с души,
нежданно пропоешь:
— Рукой напрасно не маши,
вдруг Ангела
вспугнешь.

СТАРАЯ ОТКРЫТКА

Потухли, выцвели слова,
но дышит и светло, и грустно
неровный жар бывшего чувства,
которым дышит жизнь сама.

* * *

Рядом пушистое солнце.
Впору, прикрыв глаза,
день-то какой —
чисто золотце —
с чувством забытым сказать.

Добрые вести и гости
не обошли меня.
День-то какой,
Господи,
вновь довелось принять...

Слово идет от сердца,
что не устало гореть.
Будет чем мне согреться,
да и других согреть.

* * *

Олегу Пономареву

Мне снилось — умирает мать,
в изломах света вспыхнув тонко,
в ее чертах черты ребенка
я зачарован узнавать.

Разверзлись небо и земля.
Она качнулась в мягком звуке,
исчезло все, остались руки...
О, слава Богу: умер — я.

* * *

Мы были в этом мире, были...
Не выстыл и не стерся след:
наперекор дорожной пыли —
рожденный в наших душах свет.

* * *

Устроена жизнь сурово,
и не отводи глаза,
ведь после тебя —
лишь слово,
которое ты сказал.

ПРОВИДЕНИЕ

Молчи...

Начертан путь высоко
нам всем. А посему — не смей
обратной меркой мерить смерть,
считать игрой слепого рока.

Молчи.

Мы правы лишь до срока,
до места отрицанья мест,
где две черты слагают крест,
где вместо солнца
светит Око.

* * *

Будет снег...
Тот, который
ждала и любила
ты,
в котором
так резко растаял
твой путь.
Было все —
жизнь печальна —
да все это сплыло...
Не забыть.
Не догнать.
Не вернуть.

Будет снег.
Обещаю тебе:
обязательно будет,
он,
как память твоя
встанет — светел и чист...
Ты ушла,
но оставила
любящим людям
белый свет,
белый день,
белый лист.

* * *

*...не развязать того узла,
что завязала Русь.*

(Из поэмы «Зов»)

И четверть века позади,
но длится
    путь лихой...
Вложил я в песню
    смысл один,
а вот извлек — другой.

Придет пора и всем узнать,
— твержу, как приговор,—
не развязать
    т о г о узла...

И сменим разговор.

ОДИНОЧЕСТВО

Тронет ветер сухую былинку,
позабывший мотив напоеет...
И, наверно, под эту сурдинку
мне проплакать всю ночь напролет.

— Неужель ни любимой, ни друга
среди живущих уже не сыскать?
— Белый конь ждет тебя,
чтоб по кругу,
по безумному кругу скакать...

Поутру, с грозным знаком рассвета,
закалив за ночь душу, чем смог,
я помчусь в путь проклятый поэта,
и промчусь,
одиноким, как Бог.

* * *

*Кто же скажет,
откуда оно —
    наваждение это,
внятный голос неясной тревоги моей...
Кто-то скажет о том...*

(Из книги «Плоть песни»)

Нет, не скажет.
С меня
будет взято по полной
    и спрошено,

потому и спешу,
коль покуда в седле,
доскакать,
доболеть
                  неизбывной тревогой за прошлое,
осложненной печалью
о завтрашнем дне.
Доболеть
досказать все свое —
                  наболевшее,
оправдать свое время,
иным не солгав временам,
и остаться с людьми,
не приняв
                  человека кромешного...

Даст Господь,
вот тогда
                  и срастется сквозная вина.

* * *

Боже,
заботу —
                  самую важную —
дай донести за остаток лет.
Я и живу,
                  покуда выхаживаю
в слове посеянный свет.

Вячеслав Лютый
(г. Воронеж)

В СКЛАДКАХ ЗЕМЛИ
Метафизика стихотворения Юрия Кузнецова
«Поэт и монах»

Сумрак ночи мертвит очи

(Из Толкового словаря
живого великорусского языка
Владимира Даля)

Последнее десятилетие жизни Юрия Кузнецова — великого русского поэта конца XX — начала XXI столетий — ознаменовано его чрезвычайно зримым и твердым мировоззренческим поворотом. Перевод древнерусского «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона, поэмы «Путь Христа» (детство, юность и зрелость), «Сошествие в Ад» и целый ряд стихотворений со всей очевидностью показывали: русский национальный поэт, прежде наиважнейшее место в творчестве отводивший метафизике родового начала, неуловимо соединил ее с православием.

Между тем, очень конкретные образы, взятые из реальности, не ушли из поэзии Юрия Кузнецова, но помещены им в координаты христианской этики, точнее — православного нравственного чувства. Имена исторические и персонажи вполне сегодняшние в изображении поэта художественно окрашены с той же степенью страстности, что была присуща автору и прежде. Однако теперь подобные характеристики в его произведениях приобрели черты духовного императива. И внезапно выяснилось, что литературное сообщество не готово воспринять нравственную определенность столь высокой концентрации.

Одни, выступая в роли защитников православных твердынь и отечественной литературы, взялись уличать поэта в ереси, отрицая право художника на образное видение, которое, как известно, нельзя охарактеризовать приведением двух или трех цитат. Будучи целостной духовной субстанцией, пронизанной откликами как собственно авторскими, так и иными, образное видение художника требует внимательнейшего взглядывания читателя и исследователя, тогда как реально страницы газет и журналов очень часто становились кафедрой новоначальных православных инквизиторов.

Другие, на правах коллег, знакомых скорее не с творческой лабораторией поэта, а с его реальной жизнью, сочли возможным снисходительно комментировать позднюю поэзию Кузнецова как недостаточно христианскую, в основе которой как будто отсутствует глубокая и искренняя вера, подменяемая литературной осведомленностью. Очевидно, что мемуаристом-наблюдателем совершенно не берется в расчет такое художественное качество как поэтическая интуиция.

И в первом, и во втором случае творческая алгебра подменяется сухой арифметикой, и остается только сожалеть, с какой неутомимой энергией патриотическая писательская среда стремится умалить современного ей великого русского поэта.

Есть два предсмертных стихотворения Юрия Кузнецова, идейное содержание которых можно почти непосредственно применить к той литературной обстановке, что

сложилась вокруг его поэзии в последние годы. Первое, «Поэт и монах» — датировано 1 и 5 ноября; второе, «Молитва» — 8 ноября 2003 года.

В центре этих произведений — две, по существу, духовно полярные монашеские* фигуры, которые можно описать словами преподобного Иоанна Лествичника: «Высокомудрый монах сильно прекословит; смиренномудрый же не только не прекословит, но и очей возвести не смеет»**. Мрачный и раздражительный схимник, отвергающий все земное по причине неискоренимой греховности людей и бессмысленности самой жизни («Поэт и монах») — и простак, что молится Богу, как ведает: «Ты в небесех — мы во гресех — помилуй всех!» («Молитва»). Простая в высочайшем смысле душа старца, молящегося обо всех, знающего, что лежащий во грехе земной мир все-таки достоин милости Божьей,— эта ясная душа ближе к Всевышнему, нежели смутная в мотивациях душа «высокомудрого» монаха. Знаменательно, что именно стихотворение «Молитва» стало последним произведением Юрия Кузнецова, в кристаллизованном виде дав его понимание и чувство православной веры.

В конце XX века, говоря о чаемой простоте русского искусства, великий композитор Георгий Свиридов заметил: «Христос ведь прост. Никакой двойственности. А вот Иуда — сложная натура. Сложная, потому что он предатель. Христос не сложный, но не достижима эта простота для нас»***. Не определяя сейчас таким образом фигуру Монаха, желчно спорящего с Поэтом, тем не менее, уясним для себя: это какой-то «неправильный», почти жестокий и практически бесчувственный человек.

Вместе с тем, очень часто его филиппики принимаются всерьез иным читателем кузнецовского стихотворения — словно свидетельство непримиримого противоречия православного мировидения и поэтического творчества. Выхватывая отдельные сентенции Монаха из художественно целого текста, такой читатель (а подчас и писатель) упускает из виду зачин и финал сюжета, то есть появление перед Поэтом Монаха и его исчезновение — они существуют словно бы отдельно от развернутого диалога. И происходит своего рода легализация названной фигуры, нечаянное утверждение ее духовного статуса. Встреченный по одежке как монах, этот персонаж в конце разговора пропадает — разоблаченный, дрожащий «от ужаса и страха», утративший человеческое обличье. Внутреннее существо странного собеседника было совершенно отчетливо понято Поэтом.

К сожалению, и видимый сюжетный поворот, и озарение главного героя для целого ряда читателей остаются вне поля зрения. Поэтому обратимся к самому стихотворению и проследим развитие его сюжета от начала до конца.

*То не сыра земля горит,
Не гул расходится залесьем,—
Поэт с монахом говорит.
А враг качает поднебесьем.*

Фольклорный образ в первых строках свидетельствует: происходит нечто очень значительное, сотрясающее основы мира, отсылающее к чему-то кардинальному в мироустройстве. Поэт говорит с монахом, а враг-сатана раскачивает поднебесье —

---

* В стихотворении «Молитва» автор не называет старца-отшельника *монахом* буквально. Однако сюжет этой поэтической баллады содержит ряд смысловых указателей, которые свидетельствуют: свой духовный путь поэтический герой выбирает осознанно и посвящает его Богу. Молитва за всех превращает одинокого затворника, однажды «по воле волн» оказавшегося на «голом острове» — в святого подвижника, а сам скалистый берег — в монашескую пустынь.

** Преподобного Иоанна Лествица. Слово 23-е: О безумной гордости, 6.— Издание Троице-Сергиевой Лавры, 1991. С. 150.

*** Из слова композитора Г. В. Свиридова на 2-м Всемирном русском соборе: Через духовное обновление к национальному возрождению. 1—3 февраля 1995 года.

простор, ширь под небесами. Подвергаются проверке на прочность и истинность слова, скрепляющие вселенную.

Здесь действуют три фигуры: Поэт, Монах и враг. В дальнейшем враг как будто отойдет в сторону и проявится только в заключительных строках стихотворения в виде «свистящей воронки праха» земного, что «ходит страшным ходуном» перед Поэтом. Тогда как Монах, которого в начале повествования «сумрак, смешанный со светом» в дороге облачил, и он возник воочию,— в финале превратится в тень.

Святоотеческие труды приводят множество примеров того, как темные силы, приняв на себя облик светлого ангела, вводили своего собеседника в искушение и, заставив поклониться демону как Богу. Только духовная трезвость праведника и имя Христа открывают подлинную природу субстанции зла. В стихотворении Поэт оказывается сердечно чуток и духовно прозорлив, он называет сатану его настоящим именем («Да это враг!») — и бесовский морок в итоге рассеивается.

В диалоге Поэта и Монаха есть едва уловимый отсвет евангельского предания — искушения Христа в пустыне во время сорокадневного поста. К этому важнейшему образу в стихотворении отсылает нас, во-первых, вселенское эхо разговора представителя мира (Поэта) и представителя духа (Монах); во-вторых — смертный час, уготованный Поэту и уже пережитый Монахом. Последнее обстоятельство для понимания произведения в целом требует самого пристального внимания.

*Монах недавно опочил,
И сумрак, смешанный со светом
Его в дороге облачил,
И он возник перед поэтом.*

Какою же дорогой следует Монах, и чем вызвана его встреча с «сумраком»? Это дорога на тот свет через воздушные мытарства, во время которых бесы «уличают души человеческие не только в содеянных ими согрешениях, но и в таких, каким они никогда не подвергались. Они прибегают к вымыслам и обманам, соединяя клевету с бесстыдством и наглостью, чтобы вырвать душу из рук ангельских и умножить ею бесчисленное множество адских узников»*. Перед нами странное совмещение оставшихся за текстом мытарств Монаха — и предвестия мытарств Поэта, через Монаха уличаемого сатаной.

Очевидно, что в прежней жизни «земной» Монах был иным, нежели в настоящий момент, когда он умерщвляет

*...плоть и кровь,
И память, и воображенье.
Они затягивают нас
В свистящий вихрь земного праха,
Где человек бывал не раз,
Был и монах — и нет монаха.*

---

* «Святой Иоанн Лествичник повествует, что некто Стефан, любивший пустыню и безмолвие, пробовавший много лет в монашеском подвиге, украшенный постом и еще более слезами, процветавший и другими превосходными качествами, достигший действительного покаяния, за день до своей кончины пришел в исступление, начал озираться на правую и левую сторону одра своего, и, истязаемый невидимыми существами, говорил во всеуслышание всех предстоящих: «так, точно так; но за это я постился столько-то лет». Потом: «нет, вы лжете, я этого не сделал». Опять: «да, точно так, да; но я плакал, я предал себя в служение братьям». И опять: «нет, вы клеветаете на меня». На иные обвинения он отвечал: «да, точно так, и не знаю, что сказать на это: у Бога есть милость». Этим невидимым и тяжким истязанием представлялось зрелище грозное и страшное; всего страшнее было то, что его обвиняли в таких проступках, которых он вовсе не делал».

Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Слово о смерти.— М.: «P.S.», 1991. «Воздушные мытарства», с. 137.

Теперь он уже не может плакать и раскаиваться в содеянном, и его обвинительные речи не соединимы со словами: «...у Бога есть милость».

В Толковом словаре В. И. Даля к понятию «сумрак», наряду с примечательным значением: «полумрак, полутьма, потемки, где едва различаются предметы», примыкает, как будто, второстепенное: «сумрачный нрав — всем недовольный, скрытный и **отчаянный**»; «сумрачный взгляд — пасмурный, насупленный, **отчаянный**». В отношении человека определение «отчаянный» у Даля повторяется дважды. Психологически оно подходит и к речам Монаха. Их автор, кажется, разуверился в тех смыслах и вещах, о которых он говорит Поэту. Предположительно, именно отчаяние, уныние погубило Монаха, открыв сатане греховный канал, через который «сумрак, смешанный со светом, его в дороге облачил». И теперь он отрицает:

- искусство («Искусство — смрадный грех»);
- художников («на вас на всех нет благовестия Господня»);
- поэтов («не люблю поэтов», «плач покаянья остается творцам»);
- поэзию («что касается добра, ваш слог и бледен, и растянут»);
- оду «Бог» Г. Державина («отвратна мне гуденьем крови»);
- мысли, желания («не мысли, не желай»);
- плоть, кровь, память, воображение («они затягивают нас в свистящий вихрь земного праха»);
- любовь («исходит кровью не любовь, а ваше самовыражение»);
- жизнь («вся жива — сон»).

В стихотворении Монах только в одном случае утверждает некий жизненный идеал и предлагаемый путь к нему:

*Не мысли, не желай — и ты
Достигнешь высшего блаженства
При созерцанье совершенства
Добра, любви и красоты.*

В отличие от классических образцов беседы поэта с антиподом*, где у сторон всегда обнаруживалось что-то общее в рассуждениях и каждый говорящий, так или иначе, соглашался с отдельными доводами своего визави, в современном «Поэте и монахе» разговор — абсолютно непримиримый. Это еще одно свидетельство конца времен: для воссоединения спорящих сторон мгновений уже не хватает.

Забота Поэта — об устройстве мира, о человеке, о любви, об утверждении на земле, хотя бы в малой степени, начал света и добра — жестко отвергается Монахом. В качестве духовной альтернативы он предлагает, по существу, нирвану, в которой личность исчезает, а на реальную жизнь призывает смотреть как на сон («Вся жива — сон. Готовься к смерти»).

Вспомним еще раз, что христианство — религия личностная, что христианская вера не принимает теплохладности, а христианин — человек волевой, поскольку должен постоянно противостоять искушениям.

Монах же, фактически лишенный способности слышать другого, постоянно производящий своего рода негативный отбор, являет собой христианство сектантское — сухую, бесплотную доктрину, к которой не приложимы определения Христа: Путь, Истина, Жизнь.

В рассуждениях Монаха совсем нет примет жизни вечной, налицо только резервские отсылки к ней. И уж совершенно немислимы в его словах отзвуки Христова

---

* «Разговор поэта с книгопродавцем» А. Пушкина, «Поэт и друг» Д. Веневитинова, «Поэт и гражданин» Н. Некрасова.

прощения блудницы: кто без греха, пусть первый бросит в нее камень. Земная жизнь для собеседника Поэта однозначно греховна и является средоточием зла, что, с одной стороны, очень похоже на древнюю манихейскую ересь, а с другой — на обратную сторону соглашательства, к которому сатана подталкивает человека: ригоризм, непримиримость, в основании которой лежит гордыня.

Говоря о любви, Монах подразумевает под нею только страсть и обрушивает свое негодование на все, что с этим связано. Если речь идет о памяти, о воображении, о самовыражении и о крови — то восхищение, нежность, самопожертвование, теплота и материнство, кровное родство не принимаются им во внимание. Практически перед нами отрицание Господних слов: «нехорошо человеку быть одному»; «плодитесь и размножайтесь».

Монах яростно клеймит страсть, но в его словах звучит подавленное стремление именно к ней же, к страсти, никак не к любви. Он — однозначно безлюбовен и чем-то напоминает известный образ душевно изломанного католического священника из «Собора Парижской Богоматери» В. Гюго.

«Был и монах — и нет монаха», — эти слова, сказанные словно бы от третьего лица, в устах схимника интонационно должны быть сопряжены с горькой усмешкой, с сожалением о прошлом, которое не изменить. Но такая мимика и модуляция речи совершенно не соединимы с психологическим портретом Монаха, который дает нам стихотворение как художественное целое. Это действительно третий голос — «сумрака, смешанного со светом», врага, который облек собой душу бывшего затворника и от его имени вступил в духовную схватку с Поэтом. Обратившись к начальным репликам диалога, легко обнаружим достаточно внятную позицию комментатора, дающего Монаху личностные характеристики внутри его собственного речевого потока:

Его приветствовал поэт:

— Как свят монах?..

МОНАХ

Не очень свят.

Дальнейшие обличительные слова Монаха как будто отслаиваются от этой критической самооценки. Перед нами — своего рода вложенный текст: «Не очень свят». Маска чуть-чуть приподнята, за ней — мрак и холод, а в отношении человека — ледяной и окончательный приговор.

Возвращаясь к зачину стихотворения, теперь можно определенно сказать: фигура Монаха равна монаху поддельному. И потому далее будем упоминать о ней со строчной буквы и в кавычках: «монах». Так слова собеседника Поэта обретут своего рода визуальную поправку, предупреждающую читателя: здесь правда смешана с ложью, наглядная забота о вере — с ненавистью к миру, демонстративное духовное постничество — с безудержной заботой о странном блаженстве собственной души*.

---

* Забота о спасении собственной души — кажется, первейшая для православного христианина. Однако воин, защищающий свое Отечество, в то же время попирает заповедь «Не убий!» — зная, что Высший Судия спросит его и об этом. — См.: И.А. Ильин. О сопротивлении злу силою. Гл. 10. О мече и праведности. — И.А. Ильин. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 5, с. 176—188. — М.: Русская книга, 1995.

Святой Равноапостольный архиепископ Японский Николай (Касаткин), великий русский миссионер, записал в своем дневнике: «Что-то с душою будет? Ох! Пусть гибнет. Лишь бы Япония сделалась православною». — Цит. по: Дякон Игорь Филяновский. «Держись мира и сотвори любовь...». — Подъем, 1999, №5. С. 205.

Значит, существуют такие веления души человеческой, когда она готова мужественно принести себя в жертву тому, что выше личного спасения. Конечно же, втайне уповая на великую милость Божью. Отметим — в полном соответствии со словами святого монаха-простеца из стихотворения Ю. Кузнецова «Молитва»: «Ты в небесах — мы во гресех — помилуй всех!».

Встреча Поэта с «монахом» содержит внутренне эхо пушкинской коллизии:

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.*

«Пророк»

*Искал я святости в душе
И думал о тебе порою.
И вот на смертном рубеже
Явился ты передо мною.*

«Поэт и монах»

В классическом образце Божий посланник затем *превращает* поэта в пророка, тогда как в современном стихотворении Юрия Кузнецова Поэт — *уже, по существу, пророк*, обладающий тончайшим слухом, острым зрением, ясным умом и живым нравственным чувством, а «монах» — фигура провокационная, к святости действительного молитвенника о судьбах мира не имеющая никакого отношения. Такое снижение первичных смыслов представляется еще одним знаком последних времен, когда многие придут от имени Бога, но с ложью и поруганием на устах. Столкновение Поэта и «монаха» заканчивается изгнанием именем Христа темной силы из видимых земных пределов («И сгинул враг, как тень в овраг»). Для «монаха», часто повторяющего имя Господне, «грозное имя Христа» — непереносимо.

Боговоплощение, «живые мощи христианства», плоть и кровь Христа как тайна Причастия — все это свидетельство чувственного восприятия православной веры, о котором так часто говорил Ю. Кузнецов. Желание показать средствами поэзии «живого Христа», придать человеческую осязаемость умозрительной идее Бога-Сына стало главной посылкой при создании Кузнецовым цикла поэм о Христе. Однако отповедь «монаха» Поэту вполне совпадает с многочисленными упреками, которые эти поэмы получили в печати. Вот их концентрированное выражение:

*В искусстве смешано твоём
Добро со злом и тьма со светом,
Блеск полнолуны с божеством,
А время старости с последом.*

Обратим внимание, «монах» здесь говорит не об искусстве вообще, но об «искусстве твоём». То есть о собственных творениях Поэта, который, безусловно, является *alter ego* автора. Все возражения Поэта, в том числе и библейские примеры, «монах» оставляет без ответа, с необыкновенной настойчивостью продолжая свою обвинительную речь. И если в начале сюжета Поэт сдержан и настроен миролюбиво, то к финалу его несогласие с собеседником становится гневным и возмущенным. Но «монах» словно играет с ним, не замечая, что Поэт с каждым словом становится все более определенным в своих позициях, ясно проговаривает смыслы, которые до беседы, быть может, и не были им до конца осознаны.

Стоит вспомнить о таком наблюдении. У дьявола нет чувства меры: нужно бы промолчать, пропустить ход, но изначальная самонадеянность, идущая от гордыни, от восстания на Бога, влечет его к избыточному шагу.

И Поэт вознегодовал. Защищая «богоданный стыд» Пречистой Девы, который столь раздражает «монаха» в картине Рафаэля в Сикстинской капелле, он уличает поделального блудителя святости в отсутствии живого нравственного чувства и в омертвлении уст, принимающих Причастие. По сути — в отвержении Христа.

*При грозном имени Христа
Дрожа от ужаса и страха,*

*Монах раскрыл свои уста —
И превратился в тень монаха,
А тень ослабленного рта —
В свистящую воронку праха.*

Фигура «монаха» внезапно утратила черты живого человека и превратилась в тень, только абрисом напоминающую действительного схимника, в духовное тело которого вселился враг-сатана. Причем вместо рта, изрекавшего за мгновение до того судейские слова, у тени — свистящая воронка праха, страшное жерло, прежде вдывающее смуту в душу человека, а затем пожирающее его целиком*.

*Под ним сыра земля горит,
И гул расходится залесьем.
— Смотри, — поэту говорит, —
Как я качаю поднебесьем.*

Фольклорные образы «сырой земли», «гула над залесьем» соединяют зачин стихотворения с его кульминацией.

В начале сюжета изображенный земной мир тих, только смыслы разговора Поэта и «монаха» столь важны, что потрясают основы. Враг «раскачивает» поднебесье невидимо для человеческого глаза.

В финале — шум, огонь, палящий землю... И враг-сатана впервые обозначает себя как еще одно действующее лицо в жестком противостоянии двоих — Поэта и «монаха»: «**я качаю** поднебесьем». Враг демонстрирует свою силу и ярость, старается разрушить окружающее пространство уже материально, поскольку духовный спор с Поэтом он проиграл. Тут — досада, угроза и прямое предложение присоединиться к его огромной губительной силе.

Однако:

*Поэт вскричал: — Да это враг! —
Окстился знаменным отмахом —
И сгинул враг, как тень в овраг...
Но где монах? И что с монахом?*

Названный по имени и переименованный «знаменным отмахом», сатана суетливо исчезает, по-воровски прячется, «как тень в овраг». Грандиозный ужас превращается во что-то мелкое, бытовое, которое скрывается не в бездонных провалах, но в привычных для человека складках земли. В этой повадке едва уловимо содержится отсылка автора к обыденности врага, к его вкрадчивой повседневности. Не случайно в заключительных словах стихотворения автор вопрошает: «Но где монах? И что с монахом?» Последующая история души реального схимника, ставшего игрушкой в руках властителя тьмы, представляется жуткой. Впрочем, как говорит народная мудрость: «Жива — наша; умерла — Богова»**. А вот поддельный «монах» вполне может стать фигурой нарицательной.

В последнем обвинении «монаха» есть скрытая ссылка на фреску Микеланджело из Сикстинской капеллы «Страшный суд». Общеизвестно, что на ней художник среди не прощенных душ изобразил и себя — демоны в аду сдирают с него кожу.

---

* «И смешаны во прахе том добро со злом и тьма со светом», — вот действительный источник подмен, которые «монах» навязывает искусству.

** Из Толкового словаря живого великорусского языка Владимира Даля.

Юрий Кузнецов в поэме «Сошествие в Ад», наряду со многими как будто достойными, но все-таки ввергнутыми в пекло именами, упоминает себя — в качестве грешника, молящего о милости Иисуса Христа. Мало кто из числа хулителей и высокомерных критиков поэта видит собственную душу, подобно ему, в преисподней. Но — самонадеянно помещает ее на куда более высокую ступень Божественной Лестницы. Это удивительно перекликается с судейскими речами «монаха», который по внутреннему убеждению вроде бы «высок» и «право имеет». Кажется, непреодолимо огромное духовное расстояние, отделяющее гордыню от беззвучного шепота одинокого старца на затерянном в водной стихии острове: «...мы во гресех — помилуй всех!».

В своем позднем творчестве Юрий Кузнецов интуитивно стремился соединить родовое и православное начала. Чрезвычайно верная догадка: на Руси в православие не приходят *ниоткуда* — Иванами не помнящими родства. Вся прежняя жизнь есть скрытая от постороннего глаза подготовка к таинству Крещения. А вся последующая — благодарное воспоминание о том лучшем, что было в дохристианском существовании теперь уже раба Божьего. Вспомним, пятая из десяти заповедей: «Чти отца твоего и мать твою...» — учит верующего человека уважать свой род.

Сегодня нам трудно совместить в сознании православное терпение с оскорбленной родовой памятью. Наше православие еще живет красками русской *осени* и *зимы*, а наша славянская душа все еще не понимает *весеннюю* и *летнюю* радость как часть православного одухотворенного календаря.

Поэтическая биография Юрия Кузнецова закончилась на этом важнейшем мировоззренческом рубеже. В его творчестве постепенно кристаллизовался образ русского человека, для которого национальная история не складывается из взаимно противоречивых событий, но является тернистым путем к примирению прошлого и будущего. И если отечественная литература поймет и примет для себя такое направление собственного развития как органическое и долгожданное, русская жизнь обретет устойчивость и волшебно преобразится.

Лидия Савельева
(г. Тула)

СКАЗКИ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Лидия Савельева окончила Тульский политехнический институт по специальности «Экономика и организация производства». Однажды по радио услышала, что в Тульскую филармонию требуется экономист. Работа, связанная с концертной деятельностью, заняла в ее жизни девятнадцать лет... В 90-тые годы началась перестройка, стали происходить массовые увольнения с работы, стрессы сопровождали людей во всех сферах жизни страны, им стало не до зрелищ, не до концертов. Пришлось срочно менять профессию, и она оказалась... в политике. Зарождались новые формы власти, страну захлестнула волна выборов. Л. Савельева избиралась в одномандатном округе в Тульскую городскую думу, и ее депутатская жизнь продолжалась двенадцать лет.

СКАЗКА ПРО РАКА

Когда родилась любимая внучка Дарья, я с раннего детства начала читать ей книжки. Маленькая Даша как только научилась говорить, властно требовала: бабушка, сказку! И когда все книжки были читаны-перечитаны, пришлось сочинять самой «на ходу». Так я и стала сказочницей. Мои сны превратились в сказки, и однажды я проснулась ночью и записала Сказку про рака.

Сидел рак на пригорке и плакал. Посмотрит на птиц, они летят высоко-высоко в небе, а он не мог летать, даже подпрыгнуть не мог, только ползал. Как только птичка пролетала — слезинка выкатывалась из выпученных глаз рака. Так продолжалось день, два, три... целый год и, наконец, из слезинок образовалось целое озеро, — чистое и прозрачное. Люди потом даже говорить стали — вода чистая, как слеза. Посмотрел рак на свое отображение в воде — лицо у него все красное стало, наплаканное, нос распух, и глаза от слез наружу выкатились. От стыда решил он нырнуть в озеро — никому не показываться, и больше из озера никогда не выплывать, так и жить в нем.

Наступила ночь, на небе взошли звезды, а прозрачная вода отображала каждую из них.

Звезды из своего далека посылали яркий свет в озеро, где жил рак. И когда тот увидел, сколько их в его озере, радость охватила такая, что забыл рак про печаль свою. Он плавал среди звезд в озере и был самым счастливым раком. Подплывал к одной, второй, третьей, и веселился среди них. А звезды с ним подружились, они мерцали, иногда прятались от него за тучки, рак их искал, они выглянут из-за тучек, посверкают и опять спрячутся. Им нравилось посылавать раку свой свет, они очень полюбили его.

Шли годы, у рака появилось множество детей, они расплодились в этом чистом красивом озере. А сам он стал уже старым и однажды сказал звездам: «Скоро я умру, и меня не будет в этом озере...». Те притихли и задумались, ведь они-то жили многие миллионы лет. Звездам жаль было расставаться с раком. Они посылали ему свет, но он был холодный, а рак своей радостью и любовью согревал этот свет, и звездам было теплее.

Протянули звезды свои лучи, как длинные руки, подхватили бережно рака, помчали по небу, закружили в хороводе и оставили на небе.

Так появилось созвездие Рака.

ЧТО НА СВЕТЕ ДОРОЖЕ ДЕНЕГ?

У одного царя сильно захворала дочь. И не могут ее вылечить придворные врачи. Позвал царь знахарку, и она ему сказала:

— Твоя дочь выздоровеет, если ты отгадаешь загадку — «что дороже денег?»

Подумал царь: «Как же так! Что может быть дороже, чем деньги? Да может ли быть такое!»

Собрал придворный совет и сказал: «Решите, что может быть дороже денег!».

Придворный совет заседал три дня и три ночи. Вернулись и царю ответили: «Что хочешь делай, не знаем мы, что дороже денег».

Еще пуще захворала царская дочка, и совсем пригорюнился царь. И вошел в подземелье, где хранились его драгоценности, открыл сундук, и засияли тихим светом изумруды, жемчуга переливались ультрамаринами, пурпурные топазы играли всеми цветами радуги. Открыл второй сундук — и блеск бриллиантов ослепил глаза, заиграл неземным светом и осветил слитки с золотом. Сияние драгоценных камней слилось с его ослепительным сиянием.

Встал царь перед своим богатством на колени и изумленно подумал: «Что же может быть прекраснее и дороже этой невиданной красоты?»

Вернулся в покои, повелел доставить к нему мудреца, который жил высоко в горах.

Пришел мудрец, и царь его вопрошает:

— Есть ли что дороже денег?

— Да, есть, — отвечает мудрец.

— Что же?! — воскликнул царь.

И мудрец спокойно ответил:

— Здоровье.

Леонид Иванов

(г. Тюмень)

*Лауреат всероссийской литературной премии
«Левша» им. Н. С. Лескова*

ЛЕСНЫЕ ГОСТИ

Этого лося Анемподисту будто бог послал для испытания натуры. Возвращался Леший домой после проверки своего участка телефонной линии — мало ли что могло случиться за время его отъезда на операцию. Боль в паху все еще давала о себе знать, особенно, когда неспешно прошагал два десятка километров вдоль тихонько гудящей проводами неширокой просеки, поэтому правой рукой то и дело приходилось прижимать ноющий шов, что мешало походке, потому что левой придерживал за широкий ремень ружье, чтобы не копошиться, стаскивая его через голову на случай, если удастся спугнуть дичь.

Буян давно убежал вперед, и его едва слышное повизгивание от усердной погони за шустрым зайцем слышалось то справа, то слева, то, потеряв добычу, собака начинала растерянно лаять во весь голос, дабы заставить притаившегося беляка бежать дальше и направлять маршрут косолапого в сторону устало бредущего домой хозяина.

Прислушиваясь к лаю своего умного Буяна, Анемподист неспешно шел вдоль линии, мысленно отмечая деревья, которые в скором времени придется срубить, чтобы под тяжестью зимнего снега они не порвали натянутые морозом струны стальных проводов. Под ноги он почти не смотрел, привыкнув за свою охотничью жизнь видеть дорогу только краем глаза. Но тут его взгляд наткнулся на лежку. Совсем недавно на просеке отдыхал лось. Судя по луже крови, натекшей на свежий едва припорошивший землю снег, животное было ранено. Скорее всего, кем-то из приехавших на выходные в Костому подгулявших охотников из района, по блату взявших спортивную или промысловую лицензию.

Метров через сто зверь отлеживался снова, потом пошел дальше прямо по просеке: видно, торить свою тропу через густую чащу растущего на болотине ивняка ему было уже не под силу. Потом была еще одна лежка, а вскоре Анемподист в начинающихся сумерках увидел впереди большое темное пятно. Отняв ладонь от ноющего шва, Леший взял ружье, перезарядил его пулями и стал приближаться к животному. При приближении человека лось тяжело поднялся, шаткой походкой двинулся было вперед, но не в силах идти, грузно опустился на мерзлую землю, повернул к охотнику украшенную ветвистыми рогами голову. Обычно это украшение и оружие защиты от хищников сохатые теряют в самом начале зимы, но подранок еще не успел отломить их о лесную чащу, и потому выглядел величавым, гордым и суровым.

Леший знал, что раненое животное даже из последних сил может кинуться на него и без труда искалечить, если не забить насмерть, поэтому он, держа ружье на изготове, начал обходить вокруг сохатого, тот неотрывно смотрел на человека, поворачивая вслед за ним голову. Его глаза горели ненавистью, но в то же время в них читалась скорбь и страх. Анемподист в своей жизни застрелил не один десяток лосей.

Всегда это было в азарте охоты после выслеживания и хитроумного преследования, и там они были, можно сказать, на равных: оба сильные и хитрые, хорошо знающие окрестные леса, куда можно уйти, и где можно настичь. Но еще никогда не доводилось охотнику вот так близко смотреть прямо в черные широко расширенные глаза беспомощного животного. Леший понимал, что сохатому все равно не выжить, и что в данной ситуации самым гуманным будет просто пристрелить зверя. Он вскинул ружье, подождал, пока лось повернется в профиль, чтобы не смотреть ему прямо в немигающие глаза, и выстрелил, разом оборвав мучения лесного красавца.

Тут же на выстрел прибежал Буян, оставив где-то неподалеку своего перепуганного зайца, начал бегать вокруг туши и злобно лаять, но Анемподист прикрикнул, и пес сразу же понятливо умолк и улегся на землю.

Боль в паху была уже почти невыносимой. Анемподист опасался, как бы от натуги не разошелся внутренний шов, чем пугал его при выписке из больницы доктор, и опять прижимая пах ладонью, поковылял в деревню, благо оставалось до нее чуть больше километра.

Не заходя домой, Анемподист сразу же заглянул к Степану, рассказал, где оставил зверя, подсказал, чтобы запряг лошадь, взял в помощники Ивана и без лишнего шума перевезли мужики мясо в деревню и раздали людям. Да чтобы ему тоже кусок не забыли.

Мясо завезли часа через два. А наутро Анемподист проснулся много раньше обычного — что-то уж больно сердито залаял вдруг на дворе Буян. Леший встал, натянул штаны, набросил поверх нательной рубахи старый полушубок, вдел ноги в растоптанные валенки и спустился с крыльца. Почуввав присутствие хозяина, Буян стал лаять еще сердитее и бросаться в сторону леса. Леший присмотрелся и увидел стоящего прямо за огородом лося. Взял палку, несколько раз стукнул по стене дома, чем вызвал еще более сильный приступ злобы Буяна, но животное даже не пошевелилось. Когда Леший подошел совсем вплотную к изгороди, лосиха неуверенно сделала несколько шагов навстречу, осторожно подогнула передние ноги и медленно опустилась на землю.

— Ни хрена себе! — вполголоса выговорил удивленный таким оборотом дела Анемподист, долго держался за верхнюю жердь огорода и смотрел на лесного гостя. Животное не шевелилось, а внимательно смотрело на человека. Было еще темно, и только отсвет от белого снега да острое зрение охотника позволяли ему видеть необычную картину. Даже Буян, удивленный не меньше хозяина, замолк, сел, обернув лапы своим пушистым хвостом, и тоже уставился на лесного обитателя, с негромким рычанием скаля зубы и выражая готовность в любой момент кинуться в атаку.

Анемподист стоял так минут пятнадцать, потом повернулся и, недоуменно пожимая плечами, отправился в дом. Когда немного рассвело, Леший снова вышел во двор и увидел, что гостя продолжает оставаться у изгороди в той же позе.

— Едрит твою мать! — только тебя мне и не хватало, — выругался Анемподист, перелез через жерди и стал осторожно приближаться к зверю. Лосиха смотрела прямо в глаза человеку и не делала никаких попыток вскочить, кинуться на охотника или броситься к недалекой опушке.

— Э-э, да ты, голубушка, тоже раненая, — заговорил с лосихой Анемподист, увидев окропленный кровью снег. — За помощью, значит, пришла. Ну, ладно, давай посмотрю, что там у тебя.

Рана оказалась серьезной — разрывная пуля попала в заднюю ляжку и вырвала немалый кусок шкуры и мышцы немного выше колена.

Анемподист сходил домой, взял старую простыню, разорвал ее на неширокие полосы, прихватил бутылку самогонки с настоящими в ней травами обработать рану.

Предусмотрительно стоя в сторонке и готовый отскочить, налил в ладонь жидкости, плеснул на кровоточащее месиво. Лосиха дернулась, издала какой-то глухой утробный звук и понягливо осталась лежать. Леший подошел ближе, смазал рану барсучьим салом и стал накладывать повязку.

Закончив процедуру, разобрал один пролет изгороди, открывая доступ зверю на свой участок, скинул с сеновала охапку сена, которое заготовил, обкашивая между и небольшую луговину за огородом. Сено заготавливал просто так, лишь бы не пропадало добро. И вот, пригодилось. Поднес лосихе, свалил поближе к морде и, закончив гуманитарную акцию, пошел затапливать печку.

— Едрит твою мать! — опять удивился Анемподист, когда через час увидел раненую лосиху на том же месте, где оставил. Она спокойно лежала, вытянув раненую ногу, и смотрела на просыпающуюся деревню, широкими ноздрями подозрительно втягивала дующий со стороны домов ветер с запахами дыма, свежего навоза, еще много чего непонятного, прислушивалась к твякающим неподалеку собакам. Буян уже свыкся с присутствием гостыи и изо всех сил с большим пониманием законов гостеприимства старался не обращать на нее внимания после того, как хозяин стал ухаживать за незваной обитательницей леса.

К вечеру лосиха, подволакивая левую заднюю ногу, проковыляла к дому и легла возле самой стены. Анемподист перенес нетронутую охапку сена к новому месту лежки, поставил рядом полведра колодезной воды, отворил ворота на двор, где уже лет двадцать не бывало никакой живности, кроме Буяна, да время от времени заглядывающего Барсика, в тщетной надежде встретить заблудшую мышь.

Наутро Анемподист обнаружил, что гостье двор вполне глянулся, и она чувствовала себя в нем вполне по-домашнему. Так в хозяйстве бобыля появился еще один член семьи, нареченный Машкой.

Машка так привыкла к новым комфортным условиям и дармовой еде, что даже почти перестав хромать, утром уходила в лес, а к вечеру возвращалась обратно. К ней быстро привыкли и соседские собаки, очевидно, принимая за какое-то подобие коровы. И надо же такому случиться, что через месяц опять почти на том же самом месте, где нашел раненого сохатого, наткнулся Анемподист на полуживую куницу. Кем-то подстреленный крупный зверек сумел уйти от охотника, но, вконец обессиленный, с телефонной просеки убраться в лесную чашу уже не мог даже при яростном нападении Буяна, оглушительно лающего и норовящего схватить за холку оскаленными зубами.

Анемподист отогнал пса в сторону, скинул с плеч фуфайку, в которой для удобства делал обход своего участка линии, набросил на куницу, обмотал лапами, чтобы хищник не царапался и не кусался, и отнес домой. И хоть было похоже, что подранок не жилец, не поднялась рука охотника добить животину. Надел рукавицу, ухватил за лапы, другой рукой обработал раны, смазал их барсучьим салом, чтобы заживало, и отнес куницу на двор. Машка отнеслась к соседке настороженно, на всякий случай отодвинулась к противоположной стене и приготовилась отбивать атаку. Но еле живой зверек отполз в угол под крылечко и затих. Буян устроился возле ворот, похозяйски присматривая за пыхтящим гостем.

Утром он был еще жив. Леший снова уже при свете солнца осмотрел животное, снова смазал раны, дал кусок холодного мяса. Кунька, как окрестил его Леший, отвернулся от еды и уткнулся носом с угол.

К вечеру мяса не оказалось, а когда Анемподист подошел к Куньке, тот уже не отворачивался, а, наоборот, тянулся усатой мордой навстречу. А еще через три дня, зайдя навестить свое разрастающееся хозяйство, Анемподист увидел, что Барсик трется о него совсем по-дружески, прямо как о Буяна. А вскоре и Буян признал Кунь-

ку за своего, и теперь вся троица спать укладывалась вместе на постеленном на крыльцо двора старом овчинном полушубке.

Зима в этот годы выдалась почти без снега, поэтому, когда Машка уходила на свою традиционную прогулку по окрестностям, Кунька, по природе своей ведущий ночной образ жизни, перестроился вопреки природе и, резво смешно ковыляя, тащился следом, а замыкал шествие Барсик с торчащим вверх, как дым из трубы перед сильным морозом, хвостом. Нагулявшись, зверье возвращалось домой, где каждый шел к своей кормушке.

За зиму эти совершенно разные по природе звери настолько сдружились между собой, что могли удивить любого исследователя российской фауны. И Анемподист к ним настолько привязался, что вечерами, как бы ни уставал после охоты или обхода линии, обязательно приходил на двор пообщаться со своими приемышами. Он садился на нижнюю ступеньку высокого крыльца, Кунька сразу же вылезал из своего убежища, устроенного в старой кадке, и разваливался рядом, с другой стороны прижимался Барсик и громко заводил свою бесконечную песню. Машка тоже поднималась с кучи брошенной в угол соломы, ревниво фыркала на Буяна, который предпочитал тут же перебраться на верхнюю площадку, доверчиво клала губастую морду спасителю на плечо, млела от поглаживаний его грубой мозолистой ладони и в упор смотрела бездонным, большим и черным, как смоль, зрачком.

Леший сидел молча и думал, что природа все равно возьмет свое. Машка поживет еще лето, а осенью потянет ее искать жениха, а если она потом вернется в деревню, то придется заготавливать для нее стога три сена.

О странном хозяйстве Анемподиста знали в урочище все, поэтому лосиха и кунька могли чувствовать себя в полной безопасности. Свои охотники из уважения к Лешему на них позариться не могли, а чужие в эти далекие от больших дорог края не заглядывали — они браконьерничали в окрестностях Костомы.

А весной, когда отплакали свое и отвалились от крыш последние сосульки, а пригорки стянули с себя снежное покрывало и подставили грязные бока теплomu солнышку, Машка вместе со своим сопровождением то и дело стала пропадать из дому целыми сутками. Однажды лосиха после двух дней гулянки пришла ввечеру домой, полежала на подсохшей возле двора лужайке, внимательно наблюдая, как Анемподист готовит к посадке огурцов парник, потом поднялась, подошла, встала рядом и положила голову на плечо, фыркая своими большими отвисшими губами. Постояла и медленно пошла в сторону леса. У изгороди остановилась, обернулась, будто прощаясь, и двинулась дальше. Со двора кубарем выкатился Кунька и торопливо бросился вдогонку за Машкой. Невесть откуда появился Барсик и стал тереться о ноги хозяина, стараясь обратить на себя внимание. Леший нагнулся, взял громко замурлыкавшего кота на руки, начал было гладить, но тот вдруг вырвался, соскочил на землю и быстрыми прыжками кинулся догонять друзей.

Анемподист даже не почувствовал, как сначала из правого, а потом и из левого глаза набежали непрошенные слезы, задержались в уголках и медленно скатились по глубоким морщинам, будто прокладывая дорогу другим соленым капелькам.

Чувствуя состояние хозяина, Буян подошел ближе, сел возле левой ноги, прижался к неприятно пахнущему дегтем голенищу и жалобно твякнул вслед удаляющейся в лес троице.

— Вот и осиротели мы с тобой, Буян,— проговорил Анемподист, присел и начал гладить верного пса по загривку, все также не замечая текущих по морщинистым щекам слез.

Кира Крестьянкина
(г. Тула)

МАМА НА НОВЫЙ ГОД

Неоднократно занимала призовые места в районных, городских и областных конкурсах, как прозаик. Является победителем в 2010 и 2011 г.г. городского конкурса «Ступени» в номинации проза.

Печатается в альманахах «Иван-Озеро», «На крыльях «Пегаса», «Сказки пряничного городка», «Пегасик», журналах «Приокские зори», «Детский городок».

Все было ею обдуманно уже тысячу раз. Она долго вынашивала в себе эту мысль. Она привыкала к ней. Она, конечно же, хотела воплотить ее в жизнь, но продолжала переживать и бояться. Сегодня с мужем они обсудили все уже в десятый раз и, наконец, они решились.

— Лида,— муж обратился к ней, выбросив из мыслей, в которые она погрузилась с головой.— Лида, не переживай. Мы все с тобой уже обсудили. Мы поступаем правильно.

Лида робко улыбнулась и крепче сжала его руку. Они шли по улице. Снежинки кружились в воздухе, танцевали свой любимый зимний вальс. Был выходной день, поэтому многие люди пребывали сейчас на улице, спешили по каким-то своим личным делам, наконец-то не связанным с работой. Трудно сказать, насколько были важными эти дела, а может значительными, или просто приятными хлопотами. Но у одной пары дело сейчас было нешуточное. Не зря они так волновались. Да, оба. Хоть Максим и храбрился, но его невозмутимость все же была напускной.

— Я знаю, милый,— ответила Лида подбодрившему ее мужу. Просто все равно волнуюсь. Не бойся, я справлюсь. Мы сегодня идем туда впервые, в следующий раз я буду уже спокойнее...

Вдруг Лида не заметила перед собой ледяную поверхность, и, ступив на нее, поскользнулась.

— Лида! Осторожнее,— не дал ей упасть муж.— Держись-ка лучше за меня крепче.— С этими словами он взял ее под локоть, и они пошли дальше. Остаток пути преодолели в молчании...

Супруги прошли в ворота и направились в сторону большого здания. Над входом крупными буквами было обозначено: «Городской детский дом №3». Максим и Лида, продолжая молчать, зашли внутрь. В помещении было тепло, но Лида все равно покрылась мурашками, которые разбежались по всему телу как угорелые. Охранник показал им кабинет заведующей.

— Здравствуйте, пожалуйста, проходите,— голос заведующей был бодрый и твердый.

— Сегодня,— продолжала она, когда супружеская пара разместилась на стуль-

ях,— вы можете поиграть с группой детей. Просто понаблюдайте, пообщайтесь. Не все, кто приходит к нам побыть с детьми, после решаются на усыновление или на удочерение. Но поиграть с ребятами вы можете, а дальше уже зависит от ваших сил и желания. Они у нас все славные, вот увидите.

После небольшой беседы с заведующей Максима и Лиду проводили в игровую комнату. Детям сообщили, что у них сегодня гости. Да еще и с подарками. Детки были маленькими, годика 3—4. Лида оробела поначалу, ведь столько пар открытых детский глазенок уставилось на них. Дети ничего от них не ждали. Никто не собирался бросаться к ней на грудь с криками: «Мама!» Они здесь привыкли к посетителям. Но этого было и не нужно. Дети всего лишь смотрели на своих гостей с любопытством. И этого было достаточно, чтобы у Лиды встал ком в горле.

Максим взял ее за руку и решительно повел за собой на середину комнаты. Они уселись на ковер и вынули из пакета игрушки. Все ребята устроились рядом и стали рассматривать то, что оказалось на ковре. Лида уже взяла себя в руки, заговорила с одним из малышей.

Тут были и мальчики, и девочки, все они сидели вместе; началась игра. Лида и Максим играли с детишками и одновременно разговаривали с ними. Они ни о чем их не спрашивали напрямую. Просто в процессе игры дети делились своими мыслями и мечтами. Они были так открыты миру, что у Лиды то и дело сжималось сердце от осознания того, что рядом со многими из них так и не окажется людей, которые станут им родными, которые будут их поддерживать и любить.

Выходя на мороз, Лида подумала, что после встречи с этими детьми внутри у нее осталось тепло. Это ощущение она и понесла в себе домой. Ей сейчас не хотелось говорить. Максим это понимал. Он шел рядом, придерживая ее за локоть, чтобы она не поскользнулась, а мыслями был среди детишек, с чьим миром ему удалось сегодня соприкоснуться. Конечно, они продолжали думать о том, чтобы принять в свою семью ребенка. Казалось, что в последнее время они ни о чем другом и не вспоминали. Но сейчас они еще больше укрепились в своем желании. В их семье появится малыш. И тут не о чем размышлять!

— Они славные ребята, да? — говорил за чашкой чая этим же вечером Максим.

— Просто замечательные! — подтверждала Лида.

— Но как нам среди них найти нашего?

— Мы почувствуем это. Я уверена, что почувствуем.— Прикрыв глаза, Лида вдохнула запах ароматного чая.— Дай только срок.

— Максим!

— Что?! Что случилось?! — испуганный муж помчался в спальню.

— Я видела нашего сына! — Лида только что проснулась, сидела на кровати, сжимая одеяло.

Максим медленно опустился на постель рядом с женой. Нет, он, конечно, понимает, реалистичный сон может присниться, и, когда ты только что был там, а в эту секунду уже в собственной кровати, то тебе нужно время, чтобы прийти в себя, но пугать-то так зачем?

Заметив замешательство Максима, Лида спохватилась:

— Ой, извини. Напугала тебя, наверное. Сон просто был удивительный. В нашем доме был мальчик, мы ему читали книжку с тобой на разные голоса, а он слушал с большим интересом, звонко смеялся, а потом повернулся ко мне. Я очень хорошо запомнила, что у него были зеленые глаза, такие светлые. И сказал: «Мама, какая замечательная история».

Максим увидел, что глаза ее заблестели от слез, поэтому он крепко прижал ее к себе, поцеловал в щеку и произнес:

— Хороший сон. Милая, очень хороший сон, не стоит расстраиваться.

Какое-то время они сидели молча, обнявшись, Максим гладил жену по голове, а она уткнулась носом в его плечо и вспоминала свой сон.

Они снова пошли в детский дом, пришли в ту же группу детей и устроили с ними интересную игру. Но тут Лида заметила одиноко сидящего мальчика, он сосредоточенно играл в кубики, но почему-то отвлекся на несколько секунд, повернувшись в ее сторону. На нее смотрели светлые зеленые глаза, ее как холодной водой окатило. Мальчик уже не смотрел в ее сторону, продолжая заниматься своим городом из кубиков. Но Лида замерла в одном положении, не в состоянии пошевелиться или сказать что-нибудь. Наконец, она подчинила себе свое тело и голосовые связки и тронула Максима за руку:

— Это он.

— Кто он? — не понял Максим.

— Помнишь? Мальчик во сне. Это он. Вон, с кубиками играет. Это точно он. Мне снился этот мальчик...

Лида подседа к мальчику с кубиками поближе.

— Привет.

— Здравствуйте.— Серьезно ответил мальчик.

— Я — Лида. А как тебя зовут?

— Денис.

— Очень приятно, Денис, с тобой познакомиться. А что ты строишь?

— Город «Счастье».

— О, какое интересное название. В этом городе все жители будут счастливы?

— Да, если захотят.

— А разве кто-то хочет быть несчастным?

— Наверно.

— А можно тебе помочь построить твой город?

Мальчик пожал плечами.

— Он не мой, ведь я там не живу. Но попробуйте.

— Вот и хорошо, мы вместе его быстрее построим,— улыбнулась Лида, принимаясь за кубики.

Пока жена общалась с мальчиком, Максим подошел к воспитателю и спросил про него.

— Денис? Ему 4 года, серьезный парень растет, всегда очень сосредоточенно выполняет задания, но и посмеяться любит. Но улыбается он редко, только среди своих. Чужих он к себе подпускать сразу не особо-то любит.

— Мне кажется, я его не видел прошлый раз.

— А так его и не было. Приболел он тогда малость, мы ему дали отлежаться, чтобы других ребят не заражать. А сейчас он на поправку пошел. Так что прошлый раз вы его, действительно, не видели. А что? Понравился мальчонка? Дениска у нас добрый очень и смысленный.

Максим тоже немного пообщался с мальчиком и помог строить «Счастье». А о том, что сказала воспитательница, сообщил Лиде уже по дороге домой.

— Лида, представляешь, мы не видели его раньше. Не могло тебе подсознание выдать лицо ребенка, которого ты мельком видела прошлый раз, так как ты не видела его. Не знаю, как он мог тебе присниться.

— Значит, его не было в тот раз? — Удивилась Лида.— Вот как. Но я точно видела во сне именно его. Нет, сон, конечно, размытый был, но эти его ясные глаза мне очень хорошо запомнились.

— Да я тебе верю. Просто это что-то удивительное.

Весь город уже был украшен к Новому году. В окнах сверкали гирлянды, то и дело встречались украшенные елочки. Все, что могло сверкать, мигать, переливаться и блестеть, было вывешено на улицах города. Лида посмотрела на всю эту мишуру, которая должна была создавать праздничное настроение. До Нового года был еще месяц, но весь город усиленно преображался, чтобы встретить самый важный день в году, как подобает.

Ну что ж, наблюдая за всем этим переливающимся нарядом Зимушки-Зимы, действительно, на ум приходили новогодние песенки, образы праздничного стола, вспоминался запах мандаринов, и появлялись мысли о чудесах.

— Максим,— сказала Лида после некоторого молчания,— а может быть это чудо? Знаешь, этот сон. Может, это нам подарок на Новый год? С его помощью я теперь знаю в лицо своего сына.

Максим внимательно посмотрел на жену, слегка задумавшись над ответом. А потом произнес:

— Что ж, в таком случае мы с тобой давно не получали таких чудесных подарков.

Лицо Лиды озарила благодарная улыбка. Главное, что муж ее понимает и всегда готов поддержать.

В душе у нее зазвенели колокольчики, прямо как те, что у тройки коней, запряженных в сани Деда Мороза. Это был звук, говоривший о радости и других светлых чувствах, которые испытывала сейчас Лида.

— А Денис интересный мальчик, да? — Тут же продолжил Максим.

— Он просто чудо! — подхватила Лида.

На оставшемся пути до дома они обсуждали мальчика с кубиками, да и дома все продолжали этот разговор.

Максим и Лида стали частыми гостями в детском доме № 3. Но теперь они все больше времени проводили с Денисом. Они брали его гулять во дворе. Мальчик все время выглядел серьезным. Говорил не очень много, но при этом не был катастрофически стеснительным и зажатым, но его доверие явно нужно было заслужить. И супруги очень старались раскрыть перед мальчиком свою душу. Он очень им нравился, и им хотелось, чтобы чувства эти оказались взаимными.

— Скоро Новый год,— сказал Максим, когда они все вместе однажды прогуливались во дворе детского дома.— А тебе этот праздник нравится?

— Конечно, нравится! — закивал Денис головой.

— А что ты хочешь в подарок? Что попросишь у Дедушки Мороза? — Продолжал интересоваться Максим.

— В подарок? — Денис хмыкнул.— Я чудо хочу.

— Чудо? — удивились Лида и Максим.

— Ну да, ведь в Новый год обязательно случаются чудеса. Вот и мне очень хочется чуда.

— Да, ты совершенно прав,— поддержал Максим.— Какой же Новый год без чуда? Все это знают! Мы тоже каждый год ждем чуда.

— И как, чудеса приходят? — Заинтересовался Денис.

— А как же! — заверил Максим.— Их только нужно уметь замечать.

— Угу,— кивнул Денис и улыбнулся.

Лида была в восторге от этого мальчика. Она никак не могла наговориться с ним и наглядеться на него. Каждый раз она с сожалением покидала детский дом. Эти встречи стали ей просто необходимы. Она очень к Денису привязалась.

Они с Максимом очень хотели усыновить этого ребенка. Только не знали, захочется ли ему быть с ними. Поэтому в очередную их встречу они завели с ним этот разговор.

— Денис, а ты хотел бы уехать из детского дома? — Это Лидины слова.

— Куда? — спросил мальчик.

— Ну, хотел бы ты, чтобы у тебя появилась настоящая семья, папа и мама, которые увезли бы тебя отсюда? Ты бы стал жить с ними?

Денис серьезно посмотрел на них и сказал:

— Конечно хочу. Все ребята хотят этого. Но нам нельзя об этом говорить. Воспитатели рассказывали, что когда-нибудь наши родители обязательно нас найдут и заберут отсюда. А пока мы должны хорошо себя вести. Мы все ждем, когда нас заберут родители.

У Лиды навернулись слезы. А Максим присел на корточки, чтобы быть на уровне Дениса:

— Денис, ты хочешь поехать с нами? Мы родители, которые, наконец, тебя нашли и хотим, чтобы ты жил в нашей семье.

Денис кивнул. Даже не сказал ничего, просто кивнул.

Так все и решилось.

Наконец, все документы были оформлены. Дело близилось к Новому году. А Лида и Максим решили, что праздник они встретят дома, со своим сыном.

Последний разговор с заведующей был обстоятельным. Сегодня они официально стали родителями Дениса и уже собирались забрать его домой.

— Что ж, думаю вам все ясно,— закончила свою речь заведующая.— Очень надеюсь, что Денису будет у вас хорошо.

Они все встали и супруги пожали ей руку.

— Поздравляю, вы стали мамой,— сказала она Лиде. Максима она тоже поздравила с тем, что он стал папой, но Лида этого уже практически не слышала. После этой простой фразы про маму у нее зазвенело в ушах. Да, теперь она мама. Приятное тепло разлилось по телу, и она уже думала о том, как сейчас увидит Дениса.

Лида и Максим забрали Дениса домой, они показали ему его комнату. Помогли разобрать привезенные с собой вещи. Лида понимала, что впереди еще долгий период привыкания друг к другу. И еще не скоро он будет относиться к ним как к родителям. Но они не собирались его торопить.

— Ты можешь называть нас тетя Лида и дядя Максим,— сказала она мальчику.— В этом нет ничего страшного.

— Хорошо,— согласился Денис.

Постепенно Денис привыкал своему новому дому и к своим родителям. Так же он узнал, что у него теперь появились бабушки и дедушки, а еще тетя. Он стал больше улыбаться. С радостью ходил с родителями по магазинам, где сначала ему купили новую одежду и другие разные необходимые вещи, а затем они вместе выбирали подарки родным и близким, а потом покупали продукты для праздничного стола.

Новый год они решили встречать дома втроем. Денису нужно было хотя бы с родителями познакомиться ближе, незачем окружать его вниманием сразу со всех сторон. Большое количество родственников и друзей сразу только напугает его и запутает.

Денис с большим удовольствием ставил и украшал с Максимом искусственную елку, развешивал мишуру и гирлянды по всему дому, помогал накрывать на стол...

За окном пошел обильный снег. Денис прилип к окну.

— Красиво! — восхитился он.

Во многих окнах горели гирлянды, у кого-то было видно, как сверкает елка. Настроение все это создавало, что надо.

Телевизор был включен и на фоне всех новогодних приготовлений слышались знакомые реплики из «Иронии судьбы».

Денис смеялся, прыгал по квартире в ковбойской шляпе, которую ему подарили, верхом на венике, заменявшем ему лошадь. Зрелище это было уморительное, так что Максим и Лида тоже не могли сдержать улыбки...

И вот, когда все уже было готово к волшебному моменту встречи Нового года, они расселись за праздничным столом. Совсем скоро пробьют куранты, и в новый год вступит одна семья, где совсем недавно появилось 4-хлетнее чудо, покоровшее сердца Лиды и Максима. Конечно же, новогодние чудеса случаются! Разве это не одно из них? Вы только посмотрите на счастливую мордашку этого мальчика. Он уплетает оливье, лопочет про санки, на которых ему обещали весело кататься всей семьей с горы. Родители тоже сияют не хуже собственной елки, под которой они, кстати, вскоре обнаружили целый мешок подарков.

— Вот это да! — кажется, Денис был в восторге. Вот и еще одно чудо. Чудо для мальчика, которое он так хотел. А может он говорил не о нем, а об этих двух обнявшихся людях, наблюдавших за ним с широкой улыбкой. Может, именно они — его новогоднее чудо?

Нет, он не стал называть их родителями в эту волшебную ночь. Слишком мало времени прошло. Но с ним сейчас были люди, которые постепенно становились его семьей. И он был счастлив. Денис определил это совершенно точно. У них в детском доме каждый мальчишка и каждая девчонка знали, что такое счастье. Когда у тебя есть семья... Это и есть счастье!..

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

МОЯ ЖИЗНЬ И ВРЕМЯ. ЭГО-ИСТОРИЯ*

Окончил 2-й Московский медицинский институт им. Н. И. Пирогова в 1961 г. Врач-педиатр. Доктор медицинских наук, профессор кафедры педиатрии РНИМУ им. Н. И. Пирогова. Член Союза журналистов г. Москвы. Пишет прозу. С 2007 г. публикуется в журнале «Приокские зори». Лауреат всероссийской литературной премии Левша им. Н. С. Лескова.

Мне без малого восемьдесят. Прожита жизнь. Она началась в прошлом веке и захватила начало нынешнего. Это рассказ о том, как время преломилось в жизни и судьбе одного человека. Этот человек ничем не примечателен, не обременен известностью и званиями. Не участвовал. Не привлекался. Но был свидетелем всего того, что в это непростое время происходило. Возможно, кому-то это будет интересно.

ВОЙНА

Мое детство совпало с войной. Когда она началась, мне было почти четыре года. Родился в декабре, а война началась в июне. Вместе с мамой был эвакуирован в город Сасово. Помню, улица называлась улицей Революции, на окраине города, где жили мамыны родственники. Жили большой семьей в одном доме — мамыны сестры, жена дяди Яши, их брата, ушедшего на войну, с четырьмя детьми. Войну здесь не было слышно. Только иногда над городом пролетал немецкий самолет. Высоко. Слышали шум мотора. Не бомбил. «Разведчик», — говорили взрослые.

Помню, как в отпуск на три дня приехал дядя Толя, муж мамыной сестры Лизы. Приехал ночью. Мы спали. Во дворе дома была большая собака. Не помню, как звали. Овчарка. Злая была собака. Как дядя Толя ее не испугался? Подошел к двери и постучался. Он был морской летчик. Поэтому, наверное, смелый. Потом тетя Лиза говорила, что загнал собаку под дом, и вошел.

Дядя Толя погиб на войне, и тете Лизе прислали его офицерский мундир с орденами и морской кортик. Такой кинжал в красивых черных с золотом ножнах. Он мне очень нравился. Мне позволяли подержать его в руках. Он потом потерялся, не помню как, потому что мы после войны много переезжали с одной квартиры на другую.

Через год нас с мамой и тетей Лизой переселили в комнату в квартире — это называлось подселение эвакуированных. Хозяйка был недовольна, хотя ее дом был

---

* Термин эго-история узнал из интервью, которое дала известный историк профессор Наталья Басовская «Дилетантам» Юрию Каракурчи и Георгию Артамонову. Она определила его как историю одного человека, рассказанную им самим о своей жизни. Профессор уверена, что из таких эго-историй складывается более детальная картина любого исторического периода.

большой. Было голодно, но не очень. Мама устроилась работать поваром в столовой, хотя в Москве у нее была техническая работа, на станке. Она приносила мне хлеб, иногда конфету. Говорила — «это тебе лисичка прислала».

За окраиной города, где мы жили на квартире, начинались большие поля, засеянные рожью или пшеницей, не знаю. Осенью после уборки на земле оставались колоски. В них было зерно. Вместе с другими соседскими мальчишками я ходил их собирать. Для этого мама сшила мне сумку из материи, я носил ее через плечо. Дома мама доставала из колосьев зерна и молола их на мельнице. Это были два деревянных круга с дыркой в центре. В деревяшки были вбиты кусочки железа. Между деревянными кругами сыпали зерна и за ручку крутили эти деревянные круги. Они терлись друг о друга, и получалась мука. Мама пекла блины или пышки.

Это было не долго. На полях часто появлялся человек на лошади. Их называли «объездчик», потому что они объезжали поля, били плеткой ребят, собиравших колоски, по спине и отбирали сумки вместе с колосками. Когда это со мной случилось, мама перестала меня пускать в поле за колосками и отобрала сумку.

Еще помню, как хозяйка, у которой мы жили на квартире, убивала кроликов. У нее в огороде в сарае жили кролики. Для еды. Один раз я случайно видел, как она взяла кролика за задние лапы, ударила его поленом по голове, и кролик сначала подергался, потом умер. Иногда она угощала нас чем-нибудь из еды. Видела, что у нас мало еды. После того, как я видел, как она их убивает, я всегда отказывался есть кроликов.

Потом война кончилась, и мы уехали в Москву, потому что до войны там жили.

ПОСЕЛОК ТЕКСТИЛЬЩИКИ

В Москве на Донской улице наш дом разбомбили немцы. Тете Лизе, как жене погибшего на фронте ее мужа, дали комнату в коммунальной квартире. В ней жили, кроме нас, еще две семьи. В одной — дядя Саша. Он на войне потерял ногу. Был сапожником. Сильно выпивал, а пьяный бил свою жену Татьяну, очень красивую женщину. У них было трое детей. Лида была красивая девочка моего возраста, двух ее братьев не помню. В другой комнате жили дядя Анатолий, большой сильный мужчина. Он был моряком, воевал на корабле. Его жену не помню.

Вскоре наши соседи поменялись. Дядя Саша умер «от водки», как говорили соседи, и его тетя Таня уехала с детьми на родину в город Кимры. Потом из разговоров соседей я узнал, что Кимры был город сапожников. Там делали хорошую обувь. Вот почему дядя Саша был сапожником.

Потом съехали с квартиры дядя Анатолий и его жена.

Новыми соседями были семья Алима Тухватуллина с женой и двумя дочерьми моего возраста. Одну из них звали Галия. Она мне нравилась, и мы часто играли вместе.

Другая семья была Ивана Михайловича Богданова. Он был инженер, главный электрик на заводе КИМ. Ким означало Коммунистический Интернационал Молодежи. Он выпускал легковые машины «москвич». Его жена Мария Григорьевна была еврейка, а он — украинец. У них было двое детей — Иван, мой ровесник. Семья его звала Вач-Вач — так он себя, Ивана Ивановича, назвал, когда был маленьким. Сестренку звали Анечкой.

Потом я узнал, что Алим Тухватуллин работал в органах. Тоже потом я узнал, что означало — работать в органах. Днем мы его почти не видели. Однажды, когда еще в квартире жили дядя Анатолий с женой, его жена и жена Алима Тухватуллина поспорились, и их разнимал Анатолий. Вечером пришел Алим Тухватуллин, он вы-

звал из комнаты Анатолия. Я видел, как они стояли друг перед другом: Анатолий большой сильный, а Алим маленький, худенький. Мы все боялись, что они подерутся. Но кричал только Алим, Анатолий спокойно слушал. Когда они расходились по своим комнатам, Алим чем-то пригрозил Анатолию. Вскоре Анатолий с семьей съехали с квартиры. Поэтому мы старались не ссориться с семьей Алима.

Война еще не совсем ушла из нашей жизни.

Каждый день мимо наших домов проходила колонна пленных немецких солдат. От их сапог от дороги поднималась пыль. На них были серого цвета шинели. У них были серые от пыли лица. Они шли молча. Вокруг себя не глядели. Мы, мальчишки, непременно бежали рядом с колонной и дразнили их — фрицы, фрицы. Они на нас не оглядывались.

Немцы строили в поселке дома. Трехэтажные, каменные. Все другие дома в поселке были деревянные двухэтажные, отштукатуренные. Помню, однажды, когда пленные немцы расположились на перерыв, я стоял неподалеку, и один поманил меня. Я подошел, он протянул мне руку — в ней был маленький фарфоровый ангелок.

Нередко по нашей улице проходила колонна танков. Однажды легковая машина съехала в овраг неподалеку от нашей улицы. Помню, как приехал танк и вытянул ее на дорогу.

А еще в неглубоких оврагах недалеко от наших домов лежали азростаты — серые, большие, похожие на китов. Их было три штуки. Они служили для противовоздушной защиты, чтобы задерживать немецкие самолеты. Они там лежали, и мы ни разу не видели, как они поднимались в небо. Война-то кончилась. Потом их увезли.

Недалеко, в Кузьминках, стояла воинская часть. В поселок приходили солдаты и офицеры. Они приносили консервы с мясом, а мама взамен давала им махорку, которую они курили. Махорку привозила из Сасово другая мамина сестра — тетя Поля. Еще солдаты отдавали нам ненужные гимнастерки или шинели. Мама умела шить. Она из них сшила мне куртку и пальто.

Во дворе мы, мальчишки, играли в войну. Сражались деревянными саблями и строчили из деревянных ружей — та-та-та-та. Были «убитые» и «раненые». Побеждали всегда наши. «Наши» — это ребята с нашей улицы. «Немцы» были с другой улицы. Те, другие, нас звали «немцы».

Поселок Текстильщики был на окраине Москвы. От Люблино нас отделял пруд. Он так и назывался Люблинский. Это уже была Московская область.

Пруд этот был замечательным местом для нас, мальчишек. Летом мы купались, пока не посинеешь, и кожа не станет «гусиной», то есть в пупырышках, и пока зубами не застучишь. Здесь быстро научишься плавать. Не умевшего брали за руки и за ноги, раскачивали и на счет — раз-два-три — бросали в воду с высокого места. Еще с высокого места ныряли или «солдатиком» — ногами вниз, или «ласточкой» — с разбега вниз головой с раскинутыми руками, которые перед самой водой складывали вперед вместе.

Зимой тоже пруд оставался замечательным местом. Если вода замерзала крепким льдом, а снег еще не успел выпать, во льду можно было найти вмерзшую рыбу. Эту рыбу можно было вырубить изо льда топором. Красивое зрелище. Лед прозрачный. Бежишь по нему, скользишь ногами, и вдруг видишь под ногами рыбу. Кажется, что она сейчас вильнет хвостом и исчезнет в темной воде, а она не двигается.

Еще зимой пруд нас кормил. Пруд был проточный. Где-то в Кузьминках его питал родник. А вытекал он под мосты шоссе, а потом железной дороги. Вытекал, перетекая через невысокую плотину. Даже не плотину, а плотинку маленькую. Вода перед ней не замерзала. Это было очень кстати. Если стоять на краю полыньи, то можно было видеть, как из-под льда выплывали рыбы. Эту рыбу мы, мальчишки,

ловили сачками. Мама сшила из марли мешок, я приделал его к проволочному кругу с палкой, и получилось орудие лова.

Взрослые прорубали во льду лунки и ловили рыбу на крючки. Мы, мальчишки, ловили рыбу сачками. Удавалось наловить иной раз рыбы целый бидон без воды. Довольный, с чувством добытчика, я приносил маме рыбу. Это была плотвичка величиной с карандаш. Варить ее было незачем, считала мама. Она «проворачивала» ее через мясорубку, и делала котлеты. Они даже без масла были вкусные. Без масла, потому что масла в доме не было.

А еще зимой пруд был местом сражений между мальчишками поселка Текстильщики и мальчишками Люблина. Мы у своего берега играли в хоккей, они у своего. Ключки были из толстой железной проволоки, крюк клюшки обматывали изоляционной лентой. Шайбой была пустая консервная банка. Почему возникал повод для ссоры с последующей дракой, не помню. Скорее, это дань традиции. В деревнях тоже дрались парни двух рядом расположенных деревень. «Стенка на стенку». «Бились» кулаками, побросав железные ключки на лед. Поэтому не было тяжелых травм. Синяки да шишки.

Между старыми домами, в одном из которых мы с мамой жили, и домами, построенными пленными немцами — трехэтажными, кирпичными, получался просторный двор. Здесь проходила наша мальчишеская общественная жизнь. Порой она была жестокой. Меня за смуглый цвет кожи называли то татарин, то еврей. Но играли мы все вместе. Нередко это были игры на деньги. В расшибалку, в пристенок.

Чертить на земле черту, это был кон. Клали на кон деньги — мелочь: три копейки, пять, десять. Клали столбиком. С расстояния в десять шагов кидали битую — кругляшек из свинца. Чья бита легла ближе всего к деньгам, тот получал право первым разбить кон. А потом бить по рассыпанным монеткам битой. Та, которая от удара переворачивалась, была выигрышем. Это расшибалка.

В пристенок надо было играть у стены. Первый ударял своей монеткой о стенку. Монета отскакивала и падала на землю. Другой делал то же самое своей монеткой. Если расстояние между монетками было таким, что второй игрок мог коснуться их большим пальцем и мизинцем своей руки, он выигрывал — забирал чужую монетку.

Таким манером можно было набрать денег достаточно, чтобы купить мороженое — в бумажных стаканчиках с деревянной палочкой. Или проиграться. Именно в игре возникали ссоры, правота в которых доказывалась порой кулаками. Это было редко. Здесь мы учились соблюдать правила жизни и с достоинством встречать неудачу.

Но были у нас и другие игры. Вернее, одна игра. В нашем доме жил инженер с завода КИМ. Добрый, хороший человек. У него жена была красивая молодая женщина, которая «погуливала». Так говорили взрослые. Но обо всем или почти обо всем, о чем говорят взрослые, узнают и дети. Знали и мы, мальчишки. Он приобщил нас к одной заморской игре. Расчистил площадку, поставил на ней проволочные воротца в определенном порядке, а в центре «мышеловку» — воротца крест-накрест. Деревянным молотком, ударяя по деревянному же шару, надо было прокатить его через все воротца и мышеловку. Этот добрый несчастливый человек терпеливо объяснял и учил, как все это надо делать. Эта игра была английская и называлась крокет. Не надо путать с крикетом, игрой, похожую на нашу русскую лапту.

Здесь же, во дворе, мы учились тому, что в жизни будет всегда тот, кто главнее тебя или сильнее тебя. И надо выбирать — бояться или бунтовать, стоять на своем. Эти первые жизненные уроки выявляли сильные и слабые стороны твоего характера. Слабые стороны есть у всех. Сильные вырабатываются в процессе жизни. Мальчишкой я понял, что смуглый цвет моей кожи создаст много проблем в моей будущей

жизни. Так, впрочем, это и было. Когда меня били, а это иногда случалось, никогда не плакал и не говорил — не надо, больше не буду. Много лет позже прочитал рассказ Джека Лондона «Мексиканец» и вспомнил наши ребяческие разборки. Именно так, как написано в рассказе, я себя всегда вел, когда случалось быть битым — в прямом или переносном смысле.

ШКОЛА

В школу я пошел в первый мирный послевоенный год — 1945-й. Тогда было раздельное обучение. Школа серого цвета была мальчишеской, красного кирпича — девчачьей. Так мы тогда говорили. Обе были далеко от наших домов. Никаких контактов, совместных мероприятий — вечера, праздники не проводились. Каждая школа жила сама по себе.

По-видимому, из-за этого мы тогда не умели обращаться с девчонками. Помню, в нашем подъезде жила девочка Марина, ровесница, беленькая, с тонким лицом, она мне нравилась. Но обратить ее внимание к себе я не умел. Кончилась, не успев начаться, дружба тем, что при других мальчишках, не помню за что, бросил в нее яичную скорлупу; она прилипла к ее лбу. Было смешно. Мальчишки смеялись. Она заплакала, и никогда больше не разговаривала со мной и даже избегала.

В школе кормили. Во время перемены нас водили в столовую. Выходили из-за стола полуголодные. Мы всегда были полуголодные. Переиначивали слова известного стихотворения, которое наряду с другими учили наизусть. «Я волком бы выгрыз, да нечего грызть». Переиначивали слова и известных песен на свой лад, не всегда литературный: «Союз нерушимый голодных и вшивых...».

Некоторых учителей помню. Первые четыре класса вела Антонина Николаевна. Неряшливая женщина, больше озабоченная своей семьей, чем учительством. Запомнилась только тем, что дверь в класс нередко открывалась, показывалась голова нетрезвого мужчины. Хриплым голосом звал — Тонька, выйди. Антонина Николаевна покорно выходила

Больше всех запомнилась учительница русского языка и литературы — Клавдия Николаевна, «Клавдюша». Она была классным руководителем нашего класса. Есть ли в теперешних школа такая должность, не знаю. «Классные» должны были опекать свой класс, следить за успеваемостью и вызывать в школу родителей, если ученик плохо учился или озорничал. Она любила свой предмет, хорошо учила и хорошо относилась к нам. В первый раз в жизни я попал в театр, когда Клавдюша затеяла культпоход для нашего класса. Стоит ли говорить, каким сильным, незабываемым до сих пор это было впечатлением для мальчишки в те годы. А была «Синяя птица». Оказалось, есть совсем другие дома, красиво одетые дети, женщины и мужчины. Они двигаются и говорят совсем не так, как мы в своем дворе. Говорят особенные слова. И музыка, которую тоже еще никогда не слышали.

Мы видели, что за нашей Клавдией Николаевной ухаживал учитель физкультуры. Как звали, в памяти не осталось. Помню, это был грузный крупный мужчина. Уроки он вел плохо. Заставлял бегать вокруг школы. Однажды урок был в физкультурном зале. Надо было делать упражнения на спортивных снарядах. Запомнился эпизод — учитель хотел показать, как надо прыгать через «коня». Разбежался, подбежал к спортивному снаряду и ...обошел его сбоку. Подошел к окну, стал смотреть в него. Мы молчали. В общем, физкультурой мы занимались кое-как.

Нам очень нравилась учительница английского языка. Она была молодая и очень красивая. Видом она была похожа на иностранку. Одевалась не по-нашему. Не так бедно, как другие учительницы. Было очень приятно на нее смотреть. С одним из ее

уроков у меня связано грустной воспоминание. Однажды на ее урок пришел завуч. Пожилой сутулый человек по имени Борис Федорович. Хорошо помню, как его звали. Все учителя у мальчишек имели прозвище. Удобно было. Во-первых, короче, без отчества, а во-вторых, точная, емкая характеристика. Ребятам это дано. Так вот, завуч, он преподавал физику, был строг чрезвычайно, поэтому прозвище его было «Барбос». Пришел на урок, стал проходить в проходе между рядами парт. Подошел к моей парте. Увидев, что записываю не в тетрадь, а на листке бумаги, скомкал ее и комок бросил мне в лицо. Если бы не красивая молодая учительница, я бы, наверное, заплакал... Барбос своим хриплым прокуренным голосом сказал, чтобы я пришел к нему с мамой. Мой однокашник, по фамилии Карпов или прост «Карп», картавый на все буквы, сказал — «мать тебе пиндюлей теперь надает». Никаких «пиндюлей» мама мне надавала. Если я огорчал ее, она не выговаривала мне и не ругала, а могла долго со мной не разговаривать. Это было самое тяжелое для меня наказание. Мы жили вдвоем, без папы. Искать защиту или утешение было не у кого. Молодая учительница проработала в нашей школе недолго. Поэтому как ее звали, не помню.

А вот другую преподавательницу, тоже английского языка, я помню очень хорошо, хотя прошло уже много десятков лет. Звали ее Гертруда Аркадьевна. Она была добрая и хорошо учила нас английскому. Иногда на своем уроке она читала нам книжки английских писателей. Читала с английского текста сразу по-русски. Помню книгу о Шерлоке Холмсе. В классе стояла не привычная для мальчишеской школы тишина, когда она читала.

Клавдия Николаевна, «руссичка», и Гертруда Аркадьевна, «англичанка», наверное, им обязан интересом, пронесенным через всю жизнь, к литературе и иностранному языку.

Этими воспоминаниями о них я хочу отблагодарить их за то, что пробудили этот интерес.

Впрочем, через два десятка лет, как принято в таких случаях говорить — жизнь подарила мне встречу с Гертрудой Аркадьевной, и хоть в малейшей степени ее отблагодарить. Я уже был молодым врачом и помимо основной работы в одном НИИ, о которой позже, подрабатывал дежурствами на «неотложной помощи» во все тех же Текстильщиках. Поступает вызов на головную боль и рвоту. Приезжаю. Звоню в дверь. Мне открывают. На пороге в дверях стоит Гертруда Аркадьевна. Она вспомнила меня через два десятка лет! «Это ты?!» — с удивлением сказала она. Больна была ее мама, очень старая седая женщина. Гипертоник. Сделал необходимые инъекции и подождал, не уходил, пока не снизилось давление. Повспоминали с учительницей школу.

Кроме учителей запомнились несколько однокашников. Наиболее интересным был Сережа Брук. Он знал английский. Был начитан, знал стихи наизусть. Не скажу, что мы дружили, но он был мне интересен. А это важно. Как говорил Маяковский — «делать жизнь с кого?» Не школа, по крайней мере, тогдашняя, давала ориентир в жизни, а вот те, кого встретил в самом начале ее.

Другой был Эдик, по фамилии, если не ошибаюсь, Галущенко. Маленький, шуплый. После травмы, он попал в детстве под машину, у него было повреждение каких-то внутренних органов. Он был инвалид. Был умненький, добрый. У здоровых мальчишек редко бывает чувство жалости или сострадания. Мне было его жаль. Никогда не задирали его. Не знаю, так ли это, но когда я стал врачом, детским, педиатром, способность сочувствовать мне очень пригодилась.

Вячеслав Михайлов

(г. Тула)

АЛКАШ

Родился в городе Термезе. Окончил Московский гидромелиоративный институт. Кандидат экономических наук. Ph.D in Economics. Опубликованы более сорока научных работ. Печатался в «Литературной газете», литературном сборнике «Иван-озеро», литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори», альманахе «Ковчег».

Алексей Клинец прогулялся после ужина и, возвращаясь, присел покурить в скверике рядом со своей многоэтажкой. Сигарета закончилась, а подниматься не хотелось совсем — удерживал приятный летний вечер.

На другой конец скамьи опустился какой-то мужик.

— Бомжа не хватало,— огорчился Алексей, искоса взглянув на подсевшего.

Действительно, у того были очевидные признаки бездомного бродяги: небрит, давно не стриженные, всклокоченные волосы, сильно поношенные, не по сезону, одежда и обувь, измятая физиономия со следами похмелья, возраст не определишь, то ли под шестьдесят лет, то ли под сорок. Недоставало объемистого полиэтиленового пакета с припасами из мусоросборных бачков, да запах тяжелый не доносился. «Ветерок нос бережет»,— подумал Клинец. Он решил уйти, но тут заметил на выгоревшей куртке мужика большие буквы «МЧС».

— Что ж ты, бомжара, серьезную службу позоришь? — возмутился громогласно Клинец, повернувшись к мужику.

Того нисколько не смутило, не встревожило грубое обращение, а заинтересовало, оживило; с озорным любопытством глядел на недовольного Клинца.

— А что, куртку я честно добыл,— просипел мужик прокуренным голосом.— И не из мусорки, из сумки с тряпьем. Люди приличные нет-нет оставляют у бачков, не смешивают с объедками и прочей бякой. И эмчэсник тот, что барахло оставил, стало быть, нормальный мужик, ясное дело. Помог, спас можно сказать от простуды — служба у него такая, хы-хы.

— Ты балагур подзаборный, остряк, да?

— А что, времени — вагон. Охотников беседовать мало, ясное дело.

— Это точно,— поднялся со скамейки Алексей.

— погоди подполковник, обождет твое МЧС,— тоскливо запросил мужик.

— Откуда взял, что подполковник, и МЧС? — опешил Клинец от удачной догадки бомжа.

— Кого еще эта куртка может задеть. А звание наобум ляпнул. Вообще подумал, не выше майора — лет то тебе немного. Забыл, что все переменялось: министры — молодь сплошь, и генералы, видать, такие есть, не говоря про подполковников. Ясное дело — смута... или революция, или контрреволюция, или реставрация — хрен раз-

берешь. Застой — творенье стариков, а смута — юных мужиков, хы-хы. Повысить тебя в звании решил, и угадал, выходит, ясное дело. Не уходи, алкаш я, не бомж — из запоя только, не очухался еще. Есть у меня крыша над головой.

— И бог с тобой,— миролюбиво сказал в рифму Клинцов, двинувшись потихоньку от скамейки.

— Инженер-механик я по диплому, тридцать лет без малого инженером-конструктором отпахал, пяток изобретений у меня. И для гражданской обороны кое-чего придумал. ГО ж теперь в МЧС,— скороговоркой докладывал алкаш вслед уходящему Клинцову.

— От меня-то чего хочешь? — притормозил Клинцов и развернулся.— Жалости, сочувствия?

— Да нет,— обрадовался мужик.— У меня все в ажуре: неделю бухаю, две перерыв — режим, хы-хы. С печенкой повезло, ясное дело. Как перерыв, работаю, читаю, размышляю за жизнь. Мнение иное любопытно. Не уходи.

Алексей вернулся к скамейке, присел.

— И что ж у тебя за работа? — насмешливо спросил он.

— Зря смеешься! — счастливо засветился мужик.— В нашей конторе конструкторов с матуклоном осталось с гулькин хрен. А заказы кое-какие сохранились. Математика — козырь мой, ясное дело. Ну, директор, нет-нет, подбросит работенку за наличные: рассчитать, проверить там, пересчитать. И в мой режим вписывается, хы-хы. Работа сама ко мне идет — такие пироги.

— Деньги водятся, а по мусоркам шарахаешься.

Мужик заерзал:

— Да не шарахаюсь я. И бачков этих вонючих не касаюсь. Одежку гляну иногда. Срам, ясное дело. Денег не густо, честно говоря. Директор жметя — знает, я и даром возьмусь, лишь бы мозги размять. Жалко мне денег на шмотки, вдруг не хватит на водку и жратву... До пенсии еще два года.

— А домашние расходы, коммунальные?

— Давно из дома ушел. Бабулька знакомая приютила — в баньке у нее живу. Заброшенная была банька. Починил. Когда нужно, подтоплю, дровишки — моя забота... Телик старенький есть. По дому, по двору хозяйке помогаю, если что,— такие пироги. Не лыбься — старенькая она, говорю. А библиотека у нее супер: классики, по истории книг полно, энциклопедии; старик ее важным кадром был в советские времена. Доступ имею, только на трезвую голову — условие поставила. Повезло, ясное дело. Когда в приличных людях ходил, намного меньше читал, хы-хы, по специальности все больше. Теперь в историю, философию ударился, политические описи. Технарям серьезным, физикам неживая материя быстро надоедает, к людским отношениям тянет — известный пируэт. Возьми, хоть Капицу — Петра* конечно... Сикорский**, Никита Моисеев***, Алферов Жорес****. Вот и я, хы-хы. Вполне серьезный технарь, а как же,— ухмыльнулся широко мужик.

— А ты что окончил? — спросил Клинцов.

— Наш политех.

— Механический факультет?

— Ага, тридцать пять годков прошло уже.

— Я на том же факультете отучился, только тринадцать лет назад.

— Да ну!

---

* Советский и российский физик, инженер, педагог, общественный деятель, академик АН СССР, лауреат Нобелевской премии

** Российский и американский авиаконструктор, общественный деятель

*** Советский и российский математик, философ, академик АН СССР и РАН

**** Советский и российский физик, педагог, общественный и политический деятель, академик АН СССР и РАН, лауреат Нобелевской премии

— Точно. И экономический диплом еще получил — не так давно... Не пригодился он.

— Здорово... Ты вот по-свойски проясни мне картину, хоть в общем и целом. Судя по телику, работы у вашей конторы не убавляется, а наоборот, кажется: аварии, катастрофы, пожары лесные не утихают по полгода. У меня до сих пор из памяти не идет Саяно-Шушенская ГЭС. Бухал как раз, к концу уже шло, а тут станцию эту, красавицу, разворотило — неделю еще не просыхал... И пожар этот в кафе, в Перми, не забыть — жуть: сколько народу веселого в минуты считанные спеклось, задохнулось!

— А что ты хочешь, если барыш как теснил легко безопасность, так и теснит: в энергетике, лесном хозяйстве, общепите, на дорогах, реках — куда не глянь. Зачем по-серьезному на безопасность тратиться, если многие нарушения ее норм и даже преступления можно скрыть, наказания за эти вещи — нечувствительные, и от тех можно при случае ускользнуть или откупиться.

— И как этот расклад исправить? Что нужно-то?

— Известно что: реальные нужны строгость и неотвратимость наказания, если в корень зреть. Иначе говоря, нужна устрашающая комбинация наказания и вероятности его понести. Но откуда этому взяться, когда у нас меру наказания определяют псевдогуманисты, а неотвратимость его в руках псевдоэкономистов. Первые против строгих наказаний — этак, мол, будет не по-доброму, не по-человечески, а вторые экономить обожают на надзорных органах, МВД, Следственном комитете и прочих структурах, которые обеспечивают поимку, избличение и наказание нарушителей, преступников. И получается: жалкие наказания, ослабленное расследование нарушений и преступлений не удерживают от черных дел злоумышленников, гособоротней среди них. Еще и провоцируют на новые «подвиги». Обе ноги хромые: и строгость, и неотвратимость. Самое то для аварий, катастроф, пожаров, коллективных отравлений да прочих бед. МЧС и медикам приходится кашу расхлебывать. Стараемся поспевать... Но не всегда вовремя, не всегда далеко сил хватает, не всегда профессионально, чего греха таить, псевдоэкономисты и по нашей части стараются. В итоге люди регулярно оплачивают здоровьем, жизнями своими кривой гуманизм и экономию бестолковую. Такие наши пироги, господин... как тебя величают? Меня Алексеем зовут.

— Петрович я,— назвалса мужик и согласно закивал лохматой головой.— В принципе, Леша, и вправду спорить особо не о чем: наказания должны быть построже, избежать их должно быть трудно, ясное дело. Если помеха этому неправильные гуманисты и экономисты, что с ними миндальничать? Перевоспитывать поздно, не маленькие. Чего их при власти держать? Заменить на правильных спецов, и вся недолга. Глядишь, пойдет безопасность внутренняя в гору.

— Не меняют и все,— развел руками Клинец.— Почему, как думаешь?

— Выходит, Леша, единомышленники у них имеются на самом верху и покровители... А что, личная и семейная безопасность наверху в ажуре, чего спешить с подъемом безопасности для всех. Можно и погодить — дело недешевое. Без того забот насущных, затратных полно: и оборонку поднимать, и армию, и сельское хозяйство, и авиапром гражданский — столько уронили всего с девяностых, поднимай да поднимай. Еще и соорудить хочется что-нибудь пышное, крупное за счет госказны типа суперстадиона или небоскреба, или горнолыжного комплекса — на память потомкам.

— Петрович, ты голова! Хорош бухать. Помогай порядок наводить.

— А что, я готов,— игриво приосанился и ухмыльнулся Петрович.— Завяжу, перетерплю, раз не справляетесь.

Алексей глянул на часы и поднялся: «Ну, вот и договорились. Пора мне. Продолжим разговор, если свидимся. Пока».

— Пока, и удачи тебе,— попрощался сникший Петрович.— Заглядывай сюда. Я покумекаю, что и как, ясное дело.

Людмила Сенина
(г. Тула)

**Из музыкально-поэтического альбома
«МНЕ ДАНО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ...»**

Родилась 30 сентября 1961 года, город Алексин, Тульская область. Педагог, поэтесса. В 1980 году окончила Тульское педагогическое училище № 1, в 1985 — исторический факультет Тульского государственного педагогического института / в настоящее время — Тульский государственный педагогический университет / имени Л. Н. Толстого. Сейчас работает учителем истории в Центре образования № 42 г. Тулы. Стихи Людмилы Сениной опубликованы в нескольких поэтических и песенных сборниках.

* * *

Мне давно не семнадцать,
И не тридцать уже.
Умудрилась влюбиться —
Не прикажешь душе.
Возраст — он не помеха,
Чтоб всем сердцем любить,
И, хотя бы немного,
Чтоб любимой быть.
Кошки ночью все серы,
Как и жизнь без тебя.
Не хочу годы мерить.
Я хочу жить любя.

ЗВЕЗДОЧКА

Засияла ярко-ярко звездочка
Где-то там, в небесной глубине.
У меня в окне открыта форточка,
«Звездочка! Лети скорей ко мне!»
Я ведь знаю, как одной невесело,
Хоть красива ты и горяча.
Над Землей лучи свои развесила
В поисках надежного плеча.
Мы с тобою скоротаем времечко,
Ночь бессонная быстрее пройдет.
Мысль назойливо сверлит мне темечко:
«Где же он? Когда уже придет?»

Ты мне подскажи, подруга-звездочка,
Ведь тебе все видно с высоты,
Может, и его открыта форточка?
Он не спит, и с ним его мечты...
Ты узнай, о чем он там мечтает,
Может, без меня во тьме грустит?
Может, также, как и я, страдает,
Без меня его душа горит?
Помоги нам, маленькая звездочка,
И навстречу путь друг к другу укажи...
Дунул ветер, и закрылась форточка,
И осталась я одна в тиши.

НЕСЧАСТНАЯ ДУША

Душа наивная моя
Доверилась и распахнулась.
Любовь впорхнула, поманя,
Но вдруг спиною повернулась.
Заплакала душа моя:
За что такая ей немилость?..
Поглубже слезы затая,
Молчи!.. Любовь тебе приснилась.

КОЛЕЧКО

Колечко на пальце
Не просто сияет.
Оно, как звезда,
Мне мой путь озаряет.
Колечко на пальце —
И радость в груди,
Что рядом с тобой
Мне по жизни идти.
И если уедешь,
Быть может, куда,
Колечко на пальце
Со мною всегда.
Колечко на пальце —
Ты рядом со мной,
Мой самый любимый,
Мой самый родной.
Дороже всех в мире
Сокровищ оно —
Колечко мне это
Судьбою дано.

* * *

Говорят, что жизнь, как зебра:
Черный цвет, и белый цвет.

Говорят, не нужно нервы
Тратить — утром и в обед.
Говорят, что если тучи
По небу сейчас плывут,
Значит, будет солнца лучик,
Будет он когда-нибудь.
Только лучика мне мало.
Не хочу когда-нибудь.
Чтобы сердце не страдало,
Будь со мною, милый, будь.

* * *

Если б только знать могли мы,
Что нам встреча суждена,
Ради б этой встречи жили
Ты один и я одна.
Не бродили бы по свету
В поисках большой любви.
Знать бы нам о встрече этой...
В юность снова позови!
Пусть уж нет давно кудряшек,
И морщинок пруд пруди,
Никого нет в свете краше...
Чувства рвутся из груди.
По-мальчишески задорный,
Ты на подвиги готов!
И звучит мотив мажорный,
Ничего, что он без слов!
Нам с тобою слов не надо:
В унисон стучат сердца!
Мы с тобой друг другу рады!
Счастья нам! Да без конца!

* * *

Много разных мужчин на свете:
Высоких, недюжинной силы,
Иной красив на портрете,
Но самый лучший ты, мой милый.
Неважно, какого ты роста.
Неважно мне, есть ли кудряшки.
Тебя я люблю — все просто,
И не гадай на ромашке.
Ты добрый, внимательный, нежный.
С тобой мне легко и спокойно.
Любовь — океан безбрежный!
Любви нашей мы достойны!

* * *

Мне грустно, милый, без тебя,
И грусть не выразить словами.

Лишь мысли, память теребя,
Сияют яркими цветами.
Вот встреча наша, вот он, парк...
И блеск в глазах, и вдохновенье...
Я вспоминаю вновь и вновь
Счастливые для нас мгновенья.
Я представляю образ твой,
Твои глаза, твою улыбку.
И только кажется мне злой
Судьбы нелепая ошибка.
Как поздно нас она свела.
Ну как мы друг без друга жили?..
Сирень из года в год цвела...
Ах! Сколько мы недолюбили.
Нет! Жаловаться просто грех:
Любовь с годами горячее.
И ты, любимый, лучше всех.
Нить между нами все прочнее.

Галина Ульшина
(г. Батайск Ростовской области)

АВИАЦИОННОЕ

Педагог, эссеист, член Союза российских писателей. Автор нескольких книг прозы и поэзии, изданных в России, Канаде и Германии.

Двадцать ангелов в этой жизни:
спящих, пишущих и хранящих,
успокойся, чего дрожишь ты,
что всего один — настоящий...

Эти ангелы — как самолеты,
все летали бы вокруг подопечных,
не пристали им наши упреки,
что живые сердца не вечны,
что под кожей — узел боли,
и дела неотложны, вАжны...

По твоей, ли, Спаситель, воле,
даже ангелы стали продажны?

Вот — единственный, рукокрылый,
так хотел защитит в паденьи —
сквозь Дебальцево, через взрывы,
он летел за моей тенью,
сбилсЯ с курса, и вот нелепо
вдруг упал самолет с нами,
направлявшимися в Алеппо,
чтоб промолвить свое «Амен!»
миру...
В Черное, ледяное...
Водолаз — это ангел тоже.

А потом их осталось двое.
Нет, и этих не стало.
Боже...

ГЕННАДИЮ МИРУ (МИРОШНИЧЕНКО)

Научное и художественное наследие Геннадия Георгиевича, плоды его трудов на ниве просвещения и духовного развития сохранятся в нынешнем и последующих поколениях. Светлая память об ушедшем друге, коллеге, собрате по перу будет жить в наших сердцах.

Тульское отделение Союза Российских писателей:

Татьяна Леонова (Абинякина), Юрий Алешин, Ирина Гаврилова, Елена Гаденова, Андрей Галкин, Сергей Галкин, Екатерина Гарбузова, Александр Кузнецов-Тулянин, Сергей Овчинников, Владимир Пряхин, Виктор Секачев, Виктория Ткач, Вера Трофимова, Вячеслав Тюняев, Сергей Щеглов.

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

МИРУ ГЕННАДИЮ ГЕОРГИЕВИЧУ

Он освещал друзьям дорогу,
Любимым путь он освещал.
Он был посланником от Бога
И Мир в твореньях открывал.

Мудрец, Целитель и Философ,
Ученый, Труженик, Поэт.
Носитель Истин высших в прозе,
В стихах запечатлевший свет.

Он кладезь знаний нам в наследство
Оставил в книгах на Земле.
И до последних стуков сердца
Был верен Богу и себе.

Пройдут года, десятилетия,
Промчатся долгие века,
Но будет жить на свете этом
О Боге и Любви строка.

Татьяна Леонова
(г. Щекино)

**ГЕННАДИЮ МИРУ —
УЧИТЕЛЮ, ДРУГУ, МУЖУ —
ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ**

* * *

Я у пропасти на краю —
Камень бросила вниз, стук не слышу.
Я тебя бесконечно люблю,
Ну а ты улетаешь все выше.

Говорить не могу — молчу,
Да и что услышу в ответ?
Я с тобой лишь дышать хочу,
Без тебя не мил белый свет.

Коль уйдешь — умру от тоски,
Без тебя мне не петь, а выть.
Вместе до гробовой доски
Собирались когда-то быть.

Вот бы все повернулось вспять:
Ты в полете — и я с тобой!
Пусть прольется с Небес благодать,
Продлевая наш путь земной!

* * *

Радость моя! Я проснулась с тобой...
Грустно стихов твоих книгу листаю,
Тихо душа твоя рядом витает,
Свет наполняет меня неземной.

Радость моя! Я проснулась с тобой...
Только вчера тебя в Храме отпели,
Ангелы Света в наш Храм прилетели,
Чтобы забрать твою душу с собой.

Радость моя! Я проснулась с тобой...
Больно! Душа твоя с телом рассталась!

Но ведь она в твоих книгах осталась —
Бьется сквозь строчки, как в море прибой.

Радость моя! Я проснулась с тобой...

* * *

Ты не умер, ты просто взлетел,
В осиянные Богом пределы,
Ветер Вечности вдруг налетел
На твое изболевшее тело.
Боже Правый! Спаси, сохрани
И прости покаянную душу —
Он в земные служил тебе дни,
И на Небе Тебе он послужит.

УТИХЛА ПЕРВАЯ МЕТЕЛЬ

Недавно из печати вышел поэтический сборник «Настроение», подготовленный известным тульским поэтом Владимиром Сапожниковым. Музыка к пятнадцати стихотворениям из этого сборника написал Алексей Сенин.

Владимир Григорьевич Сапожников неординарная личность. Профессор. Доктор медицинских наук. Член Союза писателей России. Автор 22 поэтических и прозаических книг, более 400 печатных работ в альманахах, коллективных сборниках, журналах и газетах. Лауреат и дипломант многочисленных литературных премий и конкурсов. Почетный работник высшего профессионального образования РФ. А еще он поэт. Просто — ПОЭТ. И добавить к этому можно только его стихи.

Он обладает неповторимым авторским голосом. Стихи его похожи на музыку, слова в них емкие, подгоняемые ритмическим камертоном. Они — его лирическая биография: в них память сердца, рассказ о времени и о себе.

Он не только интересный автор, но и, без сомнения, добрый и умный человек, способный больше отдавать, чем брать.

Читателей и слушателей подкупает искренность, доброжелательность, желание поэта поделиться своими мыслями и сомнениями. Слова под его пером приобретают новое звучание и смысл. Они воплощают в себе все многообразие и богатство внутреннего мира автора, его переживаний и раздумий. Он не стремится казаться оригинальным, а просто идет своей дорогой, пишет, как может и как любит, чтобы высказать заветное до конца.

А поэзия для него — это способ жить, она рождается из всего. Ведь одни и те же горести и страсти терзают человеческие сердца из века в век. И так будет всегда!

И. С. Тургенев писал, что поэзия «разлита везде, она вокруг нас. Взгляните на эти деревья, на это небо — отовсюду веет красотой и жизнью, а где красота и жизнь, там и поэзия». В. Г. Сапожников все это видит и отражает в своем творчестве. Ощущение одушевленности пространства рождает тишину и тайну, исходящую от поэтических строк. Владимир Григорьевич — поэт удивительно светлый и гармоничный. Эмоциональное содержание его поэзии связано с богатством ассоциативных свойств слов, образов и выражений, используемых в стихотворениях. Все спаяно, скручено, пережито. Здесь мастерство и сердечность присутствуют одновременно, а в стихах нет ничего лишнего и случайного, но есть наполнение, содержание, идея.

Многие его тексты радуют душу и питают разум. Они хороши тем, что в них отражен сложный и пестрый поэтический мир, слышится спокойная задушевность, гармония, проступает умная сбалансированность повествовательных линий.

В его стихах отражены настроения и переживания, нашедшие отклик в общественном сознании. Среди них выделяются своей гражданской направленностью стихотворения: «России», «Русский дух», «Смоленщина», «Пробуждение», «Русский — это религия...», «Тула», «Сыну Сереже».

*Какая ты красивая, Россия!
Синеют бесконечные поля,
И горизонт от леса синий — синий,
И не понять, где небо, где земля.*

(В. Сапожников. России)

Он певец России с ее неоглядными далями и славным прошлым. Глубоким чувством патриотизма проникнуто все его творчество. Это делает его стихотворения значительными, одухотворяет поэтические строки.

*Мне не надо заморских причуд,
А приятней — пускай не впервой! —
Посмотреть, как по небу плывут
Стаи птиц над родной стороной.*

(В. Сапожников. Сыну Сереже)

В стихотворении «Смоленщина» он говорит: «Чтоб быть счастливым — много ль нужно нам? Жить на земле, где жили наши деды, любить жену, делить с друзьями беды, растить детей в краю, где вырос сам».

В. Г. Сапожников — поэт высоких чувств, знающий непреодолимую силу любви, воспевающий любовь как огромный дар, данный человеку. Он дарует нам прикосновение к женскому очарованию и прелести. В его стихах образ любимой женщины обретает неповторимые черты. В них много свежести, воздушной красоты, тайны, непосредственности.

*Застыла память, как слеза.
Все в прошлом: счастье и тревога.
Твои печальные глаза
Мне рассказали очень много...*

(В. Сапожников. Сон)

*Всесильно женщины тепло.
Оно спасет того, кто тонет,
Печаль в душе мужчин разгонит,
Развеет лишь одно оно.*

(В. Сапожников. Всесильно женщины тепло)

В стихотворениях «Первая любовь», «Сон», «Думал я...», «Простите женщины меня», «В том городе живет родная женщина», «Хлынуло бабье лето», «Всесильно женщины тепло» с психологической правдой раскрывается история любви, философские взгляды автора на человека, его судьбу. Каждая деталь в стихотворениях и общая лирическая тональность вызывает многообразие ассоциаций.

*Все заполнила в мире любовь,
Две души распахнулись, ликуя...
Пахнут мятой волосы той,
У которой ладони целую.*

(В. Сапожников. Думал я...)

«Любовь — единственная вещь, которой невозможно дать слишком много», - говорил Генри Миллер. И Владимир Григорьевич с ним в этом вопросе полностью солидарен.

*Простите, женщины, меня
За огорченья и разлуки...
За неуверенные руки,
Что обнимали Вас любя...
Теперь другие времена...*

(В. Сапожников. Простите женщины меня)

Точны и тонки его стихотворения о природе. Здесь проявляется чуткость, искренность, лиричность. Красота души человеческой в представлении Владимира Григорьевича всегда так или иначе связана с красотой природы, с ее всепроникающим влиянием.

*В тихом уголке России
Вишня, словно в серебре,
И не видел я красивей
Ничего весной нигде.*

(В. Сапожников. Вишня)

Но весна не только время года, а еще состояние души поэта! Весна — способность светить, чувствовать, любить. И от такой любви никуда не уйти, не скрыться.

Природа изображается в движении, органически связывая лирические переживания поэта с образами природы («Утихла первая метель», «Снег», «Сыплет бисером пурга за окном», «Грустная весна», «Ветер»).

*А на улице дождь. Не вернется былое.
Ты ушла навсегда, эта снежная ночь.
Будто что — то в душе оборвалось такое...
И никто, и ничто мне не в силах помочь.*

(В. Сапожников. Снега, снега хочу)

В них часто стирается грань между изображением природы и переживаниями автора. Природа таким образом очеловечивается и делается отображением души поэта. Каждая стихотворная строка отделана до блеска, а форма безупречна. Он сумел передать все тонкости настроений, ощущений.

*У меня на душе благодать,
Будто заново только родился,
В этом мире весны очутился.
Надо жить, надо верить и ждать.*

(В. Сапожников. У меня на душе благодать)

Эти стихи замечательны глубокой душевностью и отражением всех граней бытия, в них есть элемент равнодушного авторского присутствия, дыхание пульсирующей жизни.

Стиль стихотворений воскрешает запахи, звуки, навевает грусть и пробуждает радость. В них звучит уверенность, что мир все же больше склонен к добру, надежде, любви и вере.

Евгений Трещев, член Союза писателей России, г. Щекино.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

*Беседу с **Владимиром Вольфовичем Жириновским** — Руководителем фракции ЛДПР ГД ФС РФ, членом Государственного Совета, Председателем ЛДПР, доктором философских наук, заслуженным юристом России ведет член Союза писателей России, Международной Федерации журналистов, Российского Союза ветеранов Афганистана, член редколлегии и автор нашего журнала **Людмила Евгеньевна Авдеева**.*

Л. А. Владимир Вольфович, с момента прошлой нашей беседы в стране и в мире произошло немало событий. Состоялись выборы в Государственную Думу, появился новый президент Америки, кандидатуру которого Вы предсказали заранее, отметили 25-летие ГКЧП, действия которой ЛДПР всегда поддерживала, выступая за сохранение великой страны, да и теперь Вы требуете восстановления исторической правды. Мы живем в смутное время вызовов, угроз, санкций, военных конфликтов, которые перекраивают и географическую карту, и общественное сознание.

В. В. Ж. Да, если бы ГКЧП победила, мы бы не потеряли с 1991 года людей больше, чем за Вторую мировую войну. А люди — это основной капитал любой страны. Мы требуем признания вины Горбачева и Ельцина за распад СССР. И сегодня народу необходимо сильное государство, устойчивая власть, сильная армия, патриотическое общество без низкопоклонства перед другими странами, необходимо строгое соблюдение закона, равенство перед ним каждого, национальная безопасность. Надо защищать российскую государственность. Поэтому-то нам и нужна великая, мощная Россия, необходимо стратегическое партнерство со странами Ближнего Востока. Россия бросила вызов США, не дав растоптать древнейшую ближневосточную цивилизацию в Сирии. Мы не имеем права допустить гибели русской цивилизации, а с ней вместе западнохристианской и евразийской. Мы выступает в защиту христиан по всему миру. Атака идет не только на Россию, а на весь славянский мир, который хотят сузить с запада англосаксы, с востока китайцы, турки с юга. И не надо культивировать национальные трения внутри страны. Сильное государство должно иметь сильную экономику и культуру на высоком уровне. Россия — исторический союз многих народов и государственным языком на протяжении всей ее истории был русский при сохранении национальных языков.

Л. А. Безусловно, мирное эффективное сосуществование наций имеет многовековое подтверждение, а необходимый дух единства укрепляется культурой, искусством, литературой, в основе нравственной природы которых православие, первоначально звучавшее как правдославие, религия правды. Название «славяне», определяющее группу народов, объединенных близостью языков, общностью происхождения, встречается уже в текстах 6 века. А во второй половине 7 века о них упоминают зарубежные, в частности, арабские авторы.

В. В. Ж. Культура любого народа неизбежно связана с его историей. Культура славянских народов имеет общие исторические корни.

И исторически сложились три ветви славянской культуры, из которых восточная — русские, украинцы и белорусы восходит к Киевской Руси. Святую Русь тысячи лет пугали, а она достойно принимала вызовы и мужественно защищалась.

Л. А. К слову, Николай Бердяев определил в философских работах славянскую натуру как бескорыстную, жертвенную, исторически совестливую, терпеливую, но в то же время с чувством национальной гордости, непокорную, мятежную, умеющую сострадать и умеющую жить в коллективе, как в лоне матери. В смутные времена все эти чувства обостряются. Население бывших республик столкнулось с серьезными проблемами становления, и на примере Украины мы видим, какой крови это стоит. Но в свое время поэт и дипломат Тютчев писал, что враждебное отношение Европы к России, к Востоку — «величайшая услуга, которая заставит славян осознать себя и свое достоинство».

В. В. Ж. На Украине националисты захотели сблизиться с США и Западом, забыв, что мы рождены одной матерью — Киевской Русью, забыли, что мы один народ — русичи, забыли, что Россия спасла мир от фашизма. Нам не нужны майданы, гражданские войны, цветные революции. А ведь в Крыму зафиксированы теракты, организованные спецслужбами Украины. В Прибалтике аэродромы НАТО. Сформировалась тревожная обстановка.

Л. А. Украинской проблеме Вы посвятили немало выступлений на ТВ, значительное число публикаций. Вы всегда высказывались жестко по вопросам Украины, развенчивали мифы, на которых строятся русофобские концепции. Масштабной получилась книга «Дым над Украиной», в которой рассмотрен роковой сценарий событий, сделаны исторические выводы, раскрыты корни украинской проблемы. По-прежнему актуальны ваши книги «Бросок на юг», «Последний вагон на север», «Иван, запахни душу». Эти книги требуют помнить, что у нас великое отечество.

Но если еще не так давно мы говорили об интернациональных связях, братском содружестве, о многонациональной советской литературе, насчитывавшей более 40 сложившихся национальных литератур, о многомиллионных изданиях книг, то сегодня кто из молодых, да и немолодых, знает творчество украинских классиков прошлого Павла Тычины, Александра Корнейчука, Ивана Франко или белорусских писателей Янко Купало, Якуба Коласа?

В. В. Ж. Писатели того поколения выступали от лица народа. У них была творческая и жизненная позиция, ответственность за судьбу страны, за будущее. Писательство и окружающая жизнь со всеми мировыми проблемами, историческими событиями, бытовыми коллизиями — явление взаимосвязанное. Сегодня происходит искажение исторической правды о взаимоотношениях славянских народов, их историческом и культурном единстве. В школах программы по литературе и истории надо менять. Мы требуем отмены ЕГЭ, выступаем в защиту чистоты русского языка. Литература должна избавиться от серости, графоманов, чернухи, выступать против американизации мышления молодежи. Надо пережить эпоху временщиков, а лживая культура со временем уничтожит сама себя. Исчерпают себя уже надоевшие читателям борзописцы. У славянских стран, как и литературы, свой путь развития. Заканчивается эпоха доминирования Запада.

Л. А. Русское трудное прошлое не выдерживает сравнений с сытым Западом. Как говорил Гоголь, на базар надо ехать в Европу, а за мудростью в Россию. Еще в устном народном творчестве основной темой была борьба за независимость, любовь к родной земле, родному языку. Журнал «Приокские зори» своей задачей ставит восстановление творческих контактов. Так, прочные творческие связи установлены с

Белорусским литературным Союзом «Полоцкая ветвь», членом которого стал главный редактор журнала, известный ученый и романист А. А. Яшин. Белорусским поэтам и писателям уже не раз были предоставлены страницы журнала. В городе Полоцке проходит ежегодный Международный литературный форум «Славянская лира», репортажи с которого публикуются в журнале. Среди участников представители литературной интеллигенции России, Украины, Белоруссии. А на последнем Форуме были авторы из Казахстана, Литвы, Европы. И в этом номере, где планируется наша беседа, белорусские авторы, материалы о союзном государстве займут ведущее место. Я тоже предложила для публикации отрывки из своей поэмы «Синеокая Беларусь».

В. В. Ж. Я высказал свое мнение о Союзном государстве Россия-Беларусь в телепередаче Владимира Соловьева «Поединок». Там мы с Александром Прохановым спорили по белорусским проблемам. Я сказал о своем отношении к политике батьки Лукашенко, к тем проблемам, которые всем видны, высказал свое мнение о долгах по электроэнергии, о кредитах, взятых у Запада, о контрабанде, идущей через белорусскую территорию.

Л. А. Да, я помню этот эмоциональный поединок, Ваши резкие высказывания и победу с большим разрывом в голосах. Но всех этих проблем не было, если бы не уничтожили единую Державу, в которой все мы были единым советским народом.

В. В. Ж. Власть — страшный наркотик. Желание власти привело к Беловежскому сговору. Дружбу не купишь за деньги. Белоруссия — важный экономический партнер. Ей надо осваивать российский продовольственный рынок в интересах белорусских производителей, искать инструменты решения конфликтных ситуаций. Добра соседство государств зависит от взаимопонимания глав правительств. Никто ничего не имеет против беладу.

Л. А. В мае 2016 года в составе делегации Фонда инвалидов войны в Афганистане я была в Витебске на первом Международном фестивале патриотической песни «Солдаты Отечества». Большая культурная программа подтвердила необходимость сотрудничества общественных и государственных органов власти России и Белоруссии по укреплению братских связей наших народов, по патриотическому воспитанию молодежи. В рамках празднования дня белорусской письменности, в преддверии 500-летия белорусского книгопечатанья немало внимания уделяется изданию книг авторов обоих государств. В октябре состоялся съезд Союза писателей Союзного государства, сделавший акцент на возрождение лучших литературных традиций, укрепление государственности и авторитета писателей на международной арене. Затем состоялся и совместный съезд писателей России и Белоруссии, на котором значительное внимание было уделено детской, юношеской, школьной литературе, ее воспитательной, просветительской, познавательной, социальной роли в современных условиях.

В. В. Ж. Культура, искусство, литература всегда были делом общегосударственным, общенациональным. ЛДПР уделяет значительное внимание издательской деятельности. И это не только мои книги, но и многих других авторов, аналитиков. Это большие тиражи брошюр, газет, журналов. Журнал «За русский народ» выходит тиражом в 15 тыс. экз. и мгновенно расходуется, так как интересен читателям дискуссионными материалами, историческими очерками. В нем есть разделы, посвященные отечественной и мировой истории, международным проблемам, экономике, в помощь агитатору, трибуна патриота. Да и художественной литературе в нем находится место. Вы помните, какие там последние литературные публикации?

Л. А. Да, только в последних номерах опубликованы стихи Ильи Аутова «Брестские крепости», отрывки из повести Надежды Серединой «Дорога в Эрусалим», статья Дмитрия Курека «Солнце русской поэзии», посвященная Пушкину. Среди изда-

ний ЛДПР интересные книги члена Союза писателей Ю. Спирина. В 2016 г. вышла тиражом в 30 тыс. экз. книга заведующего отделом прозы Московской городской организации СПР М. А. Замшева «ВВЖ. Жажда правды». Огромная заслуга ЛДПР — издание подарочных изданий произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, М. Цветаевой, сборников «Афоризмы золотого века», «Афоризмы серебряного века», «Пословицы русского народа», которые украсят любую библиотеку. Да и мне отраднo, что на страницах журнала «За русский народ» увидели свет мои поэмы «Опомнись, Украина», «Кочевник», «В апреле начинается весна», «Дорогой свершений», «В защиту русского языка».

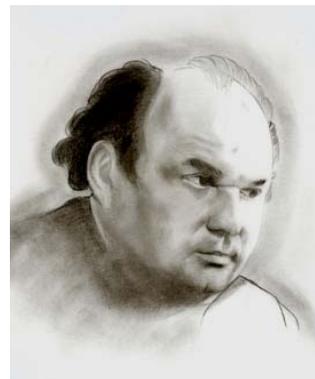
В. В. Ж. Страницы печатных изданий ЛДПР открыты для талантливых авторов, с твердой жизненной, активной гражданской позицией. Писатель, как говорится, материал штучный, требующий уважения, но деятели литературы должны быть ответственной, не повторять ошибок предшественников, сохранять национальную самобытность, национальные традиции, пополнять сокровищницу мировой культуры, чего я и желаю авторам журнала.

Л. А. Спасибо, Владимир Вольфович, за интересную беседу. Разрешите и Вам пожелать успехов и исполнения оптимистических прогнозов.

К 80-ЛЕТИЮ ВАЛЕРИЯ ХОДУЛИНА

Обзор творчества поэта

Есть книги, которые хочется читать и перечитывать, не замечая хода времени, вживаясь в образы, проникаясь чувствами лирического героя, наслаждаясь красотой, вместе с автором вставая на защиту самого дорогого в жизни. К таким книгам относятся сборники известного тульского поэта Валерия Ходулина.

На фоне полной, за редкими исключениями, неразберихи в современной тульской литературе поэт уверенно продолжает традиции русской классической поэзии, основоположниками и созидателями которой являются Александр Пушкин, Николай Некрасов, Федор Тютчев, Афанасий Фет, Александр Блок, Сергей Есенин, Александр Твардовский, Константин Симонов, Василий Федоров и другие русские поэты.

Хорошая поэзия — а она как свеча в окошке и для начинающих, и для умудренных опытом авторов и читателей, — всегда молода. Потому сколько бы ни было лет настоящему поэту, он также всегда молод, молод душой, рождающей такие стихи...

Валерий Ходулин родился 17 августа 1937 года в Туле и был крещен во Всехсвятском соборе. В простой рабочей семье все были металлистами. Его дед и прадед работали на самоварной фабрике купца Баташова.

Поэзия и жизнь неразрывны, как неотделим от жизни и сам поэт. А богатство человека-творца — в его корневой системе: в истоках его души, в его предках, в земле, на которой он родился и вырос, в культуре и традициях народа. «Валерию Ходулину не приходилось специально «изучать жизнь» для того, чтобы писать стихи», ибо древо его поэзии имеет прочные, народные, трудовые корни.

С ранней юности поэт стал трудиться. Окончив восемь классов, в 1952 году, в пятнадцать лет, он пришел на Тульский оружейный завод учеником столяра. Затем, окончив школу оружейного мастерства, получил специальность гравера по украшению охотничьего оружия.

Потому и пишет он о рабочих и их труде, как о сокровенном. «Труд с его насущными заботами, временем ученичества, огорчениями, удачами — вот основа его поэзии...»

И поэт не просто пишет о труде, он его воспевает, видит в нем настоящую поэзию, ибо и здесь движению руки предшествует движение души.

Способность оживить, одухотворить все вокруг себя и выразить это в стихах — это ли не настоящая поэзия?..

Срочную военную службу В. Ходулин в 1956—1958 годах проходил на крейсере «Аврора» (город Ленинград, Кронштадт). И первое его стихотворение было опубликовано в городе на Неве в газете «Ленинские искры». Прошли армейские годы, и, демобилизовавшись, молодой поэт возвращается в Тулу, на свой родной оружейный завод.

Кем бы ни работал Валерий Ходулин — столяром или гравером на Оружейном

заводе,— он на всю жизнь остался оружейником. Но оружейником тоже можно ощущать себя по-разному. Поэт понимает и выражает это так: «Я — оружейник, / Мирный человек...»

Гордость оружейника не ограничивается только им самим. Ведь оружейное дело, достигшее своего апогея в различных современных видах вооружения, начиналось, долгие годы развивалось и крепло стараниями многих людей в Туле — по праву оружейной столице России.

Валерий Ходулин — «первый поэт, в значительной части своего творчества отразивший Тулу оружейную, ее историю, традиции», талант и смекалку оружейных мастеров. Героями его стихотворений являются С. И. Мосин, В. А. Дегтярев, Ф. В. Токарев, Н. Ф. Макаров, М. Т. Калашников, И. В. Щербино и М. И. Почукаев.

После школы рабочей молодежи, выдержав творческий конкурс, В. Ходулин в 1960 году поступил в Литературный институт имени М. Горького, который окончил. И, когда он был еще студентом пятого курса, в Туле увидела свет его первая книга «Гравюра».

Поэт настолько любит свой город, что после окончания с отличием Литинститута, несмотря на два предложения остаться в столице и работать в «Роман-газете», он отказался, вернулся в Тулу и с 1965 по 1978 год работал старшим редактором Приокского книжного издательства.

В 1972 году, после выхода поэтических книг «Веснушки» (1967) и «Рыжая метель» (1968), Валерий Ходулин был принят в Союз писателей СССР.

Стихи поэта публикуются в московских и тульских журналах и сборниках, на страницах центральных и местных газет. Выходят из печати книги: «Гудки» (1975), «Серебряное эхо» (1976), за которую он был удостоен премии Тульского комсомола, «Золотая пора» (1979), «Монолог брата» (1985), «Кузнецкая слобода» (1987), «Коллекционное вино» (1993), «Цвета победности» (2003), за которую автор стал лауреатом областной литературной премии имени Л.Н. Толстого, «Настраиваю душу на добро» (2016), за которую удостоен второй областной литературной премии имени Л. Н. Толстого.

Книги наполнены любовью к родной земле, из души Валерия Ходулина льется и утверждается им беззаветная любовь к своему краю («Здравствуй, край, молодой и былинный!..», 5, с. 158). Творчество самобытного поэта всецело связано с родным городом, с дорогами его сердцу туляками. В своих стихотворениях он воспевае красоту Тулы — ее улицы, храмы, исторические памятники, — воспевае ее величие, описывае героические страницы ее истории, подвиг туляков во время Великой Отечественной войны. В. Ходулин — автор известных поэтических произведений о Петре I, Демидове, Левше, цикла стихотворений о Льве Толстом: «Награда Льва Толстого» (10, с. 83), «Друг» (10, с. 86), «Монолог брата» (10, с. 92), «Ясная поляна» (5, с. 185), «Шел Лев Толстой» (5, с. 186)...

В его стихах возникает неповторимый, незабываемый облик Тулы, вызывающий у читателя — жителя других мест — любовь к городу, его истории и знаменитым людям. У поэта есть одно стихотворение о Туле, в двадцати четырех строчках которого во всей полноте дан образ города и выражено отношение к нему истинного патриота-туляка.

Тульский кремль... Верный седой свидетель всех дел тульских, всех ратных подвигов, всей истории города и оружейного производства, начиная с основания Оружейного завода, 300-летие которого мы праздновали в этом году («Прошло два века...», 9, с. 105).

Одной из значимых достопримечательностей Тулы — ныне в новом великолепном здании — является музей оружия. И поэт как истинный патриот города и ору-

жейник не может обойти эту тему стороной: «...Здесь работу самой высшей пробы / Встретишь ты на каждом этаже...»

Запоминаются стихотворения В. Ходулина, имеющие большой общественный резонанс: «Памятник», «По Белеву едет Пушкин», «Коллекционное вино», «Кузнецы», «Рисует парень старые дома» («А в тех домах — история сама») и уже упомянутая нами поэма «Тульский кремль».

История города-оружейника неотрывна и от военных баталий, в которых весь Тульский край обрел неувядаемую славу. Это и Куликовская битва, и события смутного времени, и отражения бесчисленных набегов крымчаков, и баталии 1812-го года, и героическое участие в обороне Москвы в 1941-м. Поэтому защитники Отечества неизменно пользуются уважением и любовью поэта. Будто над каждым воином, сражавшимся на протяжении всей истории на тульских рубежах, восходила будущая золотая звезда города-героя.

Валерий Ходулин, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, был и остается активным членом Тульской писательской организации. Его произведения нашли отклик и у простых туляков, и у писателей. Он четырежды: в 1978—1985 и в 1989—1990 годах заслуженно избирался ответственным секретарем Тульской областной писательской организации Союза писателей России, а в 1992 году стал председателем президиума совета Тульского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. При В. Ходулине туляки с большим желанием и удовольствием ходили на возрожденные им авторские вечера тульских писателей в ДК профсоюзов.

Через все творчество Валерия Ходулина проходит еще одна тема, очень дорогая поэту, определяющая и все другие, рождающая прекрасные чувства у читателя — тема любви к Родине. К сожалению, сейчас приобщение к России происходит не только через положительные, но чаще всего через негативные моменты современной жизни. Поэт как любящий страну и народ человек не может не сказать, и с волнением и сожалением говорит об этом: «Откуда, скажите, откуда...»

Остановиться бы людям, задуматься, соотнести мотивы и цели со своим предназначением... Но нет, спешат жить и брать от жизни все, кто сколько сможет... Болью отзывается большое чуткое сердце Валерия Ходулина на такое положение вещей.

Но более всего его волнуют дети. Ибо от того, кто они сейчас, зависит, какими будут страна и народ, и будут ли вообще.

На стихи В. Ходулина художественным руководителем и главным дирижером Тульского музыкального оркестра народных инструментов «Ясная Поляна» В. Синьковским написаны несколько песен. Воинам нашей Тульской воздушно-десантной дивизии посвящена «Песня о десантниках», а родному городу посвящена песня «Давай пройдем по городу любимому». Поэт является автором текста гимна АК «Туламашзавод». Он — лауреат Всероссийского отраслевого фестиваля авторской песни.

Как поэт Валерий Ходулин очень разнообразен, как разнообразна и сама наша жизнь, его поэзия широка и многогранна: стихи о родном городе и российских просторах, о знаменитых туляках, старинных мастерах, о памятниках истории и культуры, о любви и дружбе, есть даже задорные частушки. Ему принадлежит лучшее стихотворение о тульском прянике.

Во многих стихах поэт размышляет о прошлом, настоящем и будущем родного края и нашей России. В прошлом было много хорошего, и люди среднего и старшего возраста помнят это. Но было и плохое в нашей истории, болью отзывающееся в сердце художника и гражданина: «Вот в этой церкви / Меня крестили, / А после церковь / На слом пустили...»

Будучи разумным оптимистом, Валерий Ходулин знает — идеала невозможно достичь, можно только приближаться к нему. Поэтому, испытывая ностальгию по

прошлому, не принимая плохого в нем и жалея об ушедшем хорошем, он понимает — возврата к прошлому нет, история не делает таких шагов, можно идти только вперед, к лучшему, чем было и есть, но вперед, творя новое.

Люди со слабой укорененностью в жизнь России, в ее традиции, а попросту говоря, мало или вовсе не любящие ее, когда тяжело стране и людям, уезжают в чужие края, надеясь там найти счастье и благополучие. «...А нам в России оставаться: / Ковать, косить, пахать и жать. / А нам с Россией возрождаться, / Поскольку некуда бежать».

Мы всегда были рады разумным заимствованиям извне и иностранным специалистам, приезжающим к нам с открытым сердцем. Но в стране есть абсолютно все необходимое не только для возрождения, но и для подъема на совершенно иной уровень технологий и бытия, как это и всегда было в России — тому множество доказательств в ее истории, считает поэт. Он верит в будущее России и утверждает это своим творчеством.

И еще одно очень важное понимание золотой нитью проходит через произведения поэта — необходимость связи времен. Без этой связи мы будем «Иванами, непомнящими родства», будем постоянно расписываться в своей несостоятельности. Валерий Ходулин знает, как важно возвращение к православным традициям, без которых немыслима великая русская культура, в том числе и литература. Однако всегда исключительно честный и перед собой, и перед людьми, он не похож на тех перевертышей, кто в миг из атеистической партийной или мещанской ипостаси перешел в религиозную, да еще с неопитско-фанатичным уклоном. Поэт идет к Православию, открывает свое сердце Христу, верит, что Господь поможет России, спасет ее, верит, что в Господе спасение и каждого из нас.

Связь времен и патриотизм основаны на памяти, в том числе и на памяти тяжелых годин военного лихолетья — и давних, и тех, что на памяти еще живущих. Характерны строки о герое русско-японской войны, командире крейсера «Варяг» В. Ф. Рудневе — в них живо чувствуется преемственность военных поколений.

Из истории Тулы никогда не исчезнет страница о подвигах воинов рабочего полка, достойно оцененных маршалом Победы Г. К. Жуковым и всей страной. И такой мастер слова, как Валерий Ходулин, не мог не писать об этом. В его стихах мы находим строки и об этом.

Оттремела, отстреляла война. Сколько жизней она унесла с собой! И растут деревья из-под ржавых гусениц некогда подбитых танков и разбитых орудий, из земли, обильно политой кровью и защитников, и врагов. Одну из таких картин увидел поэт, и родился удивительный, неповторимый образ: «И стоит замшелая громада / Словно на коленях перед ней».

Всякий причинявший или причиняющий зло жизни рано или поздно должен встать перед ней, жизнью, на колени. Этому, конечно, должно предшествовать раскаяние. Люди в своей основной массе добры, забывчивы на злое. Помнить — значит прощать, но не забывать причины, приведшие ко злу, не забывать, чтобы не повторилось то плохое, что было.

Но вот, сколько лет уже прошло с той страшной войны, а все эти годы то тут, то там до сих пор ведутся, так называемые, локальные войны. Были и такие, в которых участвовали и наши горожане. Валерий Ходулин не желает повторения этого, не желает прихода груза «N» — цинковых гробов с телами погибших в «мирное время» российских ребят.

В 1995—2000 годах поэт — единственный из тульских писателей — трижды посещал «горячие точки» для встреч с воинами. В 1997 году он ездил в г. Хасавюрт (Дагестан) к воинам Тульской дивизии внутренних войск. В октябре 1999 года выехал в 119-й парашютно-десантный полк 106-й Тульской гвардейской дивизии ВДВ, в зону боевых действий, в Шелковской район Чечни. Дважды посещал флагман Тихо-

океанского флота — гвардейский ракетный крейсер «Варяг». Везде В. Ходулин встречался с людьми, изучал их повседневную суровую военную службу. И в результате рождались стихотворения и очерки. Он имеет благодарность Верховного Главнокомандующего ВС РФ В. В. Путина «За самоотверженность и отвагу, проявленные при защите Отечества», имеет благодарность командования оперативной группой ВДВ в Чечне, награжден медалью «За службу на Северном Кавказе» и другими медалями, является членом Союза десантников России, Всероссийской ветеранской организации «Боевое братство».

Поэт не желает, чтобы великое зло разгорелось из малых очагов, полыхающих в разных местах, как это уже не раз бывало в мировой истории.

И добро, и зло на земле делают люди, ибо они обладают свободой воли. Поэтому и важно — каковы качества людей, творящих историю. А таковыми являются все люди, в том числе и такие, казалось бы, маленькие, как капитан Тушин из «Войны и мира» Л. Н. Толстого. Потому В. Ходулин уделяет человеческим качествам большое внимание в своем творчестве.

Сейчас стало обычным разделение по национальностям, по крови, по религиозным признакам. А ведь все это не столь важно, важно же, каковы души людей. Если у человека душа — русская, значит и человек — русский. Об этом писал Ф. М. Достоевский, говорил генерал Деникин. Об этом же пишет поэт: «Не люблю твое имя нерусское, / Твою русскую душу люблю».

Большое внимание Валерий Ходулин уделяет теме гражданственности. По его мнению, гражданин, исходя из сил, что дает Бог, должен всегда занимать четкую позицию.

Поэт — автор тринадцати книг стихотворений и двух книг популярных очерков о знаменитых туляках. Будучи общественно активным человеком и деятельным пропагандистом русской поэзии, русского слова, он всегда со своими читателями. Еще в студенческие годы поэт выступал перед рабочими, рыбаками, моряками и летчиками на далекой Чукотке и в Магаданской области. Позже в составе писательских делегаций участвовал в выступлениях в Донбассе, в ГДР, в ЧССР и во Франции. Его голос часто звучит по Тульскому радио и в трудовых коллективах, он выступает перед студентами и преподавателями, школьниками и учителями. Когда В. Ходулин вел цикл радиопередач «Незабвенные имена», то люди, чтобы дослушать, даже на работу опаздывали. До сих пор Валерия Ходулина приглашают в школы для выступлений и проведения экскурсий по Туле, он желанный гость в студенческих общежитиях тульских университетов и в Советах ветеранов Великой Отечественной войны. Школьники пишут сочинения по его произведениям, его стихи в авторском исполнении всегда можно услышать на праздниках «День города» и «День славянской письменности».

Поэт достойно представлял и представляет свой родной город во многих регионах России и за ее пределами. Его произведения переведены на языки ближнего и дальнего зарубежья...

Весь XX век показал, что массовое развитие коллективной собственности в мире во всех ее видах не случайность, а тенденция, и что частная собственность все более становится социально-биологическим атавизмом. Поэтому поэта возмущает образ «куркуля», который, к сожалению, так культивируется в наше время.

Валерий Ходулин, будучи очень ответственным человеком, придает этому качеству в людях большое значение. Об этом его стихотворение-обращение, стихотворение-призыв «Давайте думать...». Однако не устает В. Ходулин задавать себе вопрос: «Каким я сейчас получаюсь? / Каким получаюсь? / Каким?»

Поэт в своих стихах дает много штрихов и деталей, но таких и так, что сразу чувствуешь, насколько велика тема, затронутая им.

Как тонкий лирик, Ходулин посвящает стихи любимой природе. Его пейзажная лирика богата и многогранна. Возьмите любой сборник и просто вчитайтесь в строки (как, например, в стихах «Словно мягкие девичьи локоны...» (1, с. 29), «Зима пургой запорошила...» (1, с. 30), о воде (7, с. 50) и в других). И как человек, горячо любящий свою землю, поэт не может молчать о состоянии природы. Его «стихи о природе несут в себе и тревогу, заботу о ее судьбе, как и о мирном будущем всего живого на земле». Он выражает это с помощью интересного приема — обращения к другому поэту, к певцу еще не испорченной русской природы («Скажи, Есенин, мог бы ты воспеть...»). А как хочется, чтобы очистилась наша земля от всякой грязи — химической, изотопной и... моральной!

Литературный портрет Валерия Ходулина будет неполным, если не сказать о его любовной лирике. Она замечательна, своеобразна и глубоко индивидуальна. Но прежде чем перейти к этой теме, необходимо сказать, что любовь к женщине для настоящего поэта немислима без любви к земле, к природе, к корням, к России. И еще, настоящая любовь к женщине немислима без любви к матери. Об этом у Валерия Ходулина написано много хороших стихов. Редко какой поэт так проникновенно может сказать о любимой женщине: «О тебе цветам шептала травушка, / Думала осока у ручья, / Ладонька моя, / Моя Любавушка, / Радость беспокойная моя...».

Замечательный русский поэт Валерий Ходулин по-настоящему верующий человек, так как к Богу можно обращаться только искренне, а в чем еще человек бывает более искренен, чем в любви. Его поэзия многопланова и многомерна, лирична, отточена по форме и глубока по содержанию. Перечитывая его стихи, мы можем увидеть в них творческую изюминку и своеобразие, особенную музыкальность и живописность. Одной, как будто случайной, деталью, он подчеркивает, как величественна наша земля. Поэт заинтересован в отдельном человеке и обществе, природе и мире. Незамысловатые стихи его идут из самого жизненного опыта, наполнены романтикой и правдивы — во всем этом сила и значимость его поэзии.

Валерий Ходулин известен и как краевед и публицист. Он выпустил в свет две небольшие, но очень проникновенные книги очерков — «По призванию — туляки» (2006) и «Идущие сквозь время» (2008), — в которых с чувством, увлекательно и образно рассказал о людях, которыми гордится Тульский край и Тула: о промышленниках, купцах и благотворителях. Валерий Ходулин выступает в них как поэт, прозаик и краевед, созидаящий в душах читателей любовь к родной земле, к своему замечательному городу, к России и народу, к нашей истории и ее позитивным творцам.

1. Ходулин В.Г. Гравюра. — Тула: Приокское книжное изд-во, 1965 г.
2. Ходулин В.Г. Веснушки. — Тула: Приокское книжное изд-во, 1965 г.
3. Ходулин В.Г. Рыжая метель. — Тула: Приок. книжн. изд-во, 1968 г.
4. Ходулин В.Г. Гудки. — Москва: Современник, 1975 г.
5. Ходулин В. Г. Серебряное эхо. — Тула: Приок. книжное изд-во, 1976 г.
6. Ходулин В.Г. Золотая пора. — Москва: Современник, 1979 г.
7. Ходулин В. Г. Монолог брата. — Тула: Приок. книжное изд-во, 1984 г.
8. Ходулин В. Г. Кузнецкая слобода.—Тула: Приок. книжн. изд-во, 1987 г.
9. Ходулин В. Г. Коллекционное вино.—Ленинский филиал ТППО, 1993 г.
10. Ходулин В. Г. Цвета побежалости. — Тула: Александр Невский, 2003 г.
11. Ходулин В. Г. По призванию — туляки. Популярные очерки о тех, кому город обязан своей славой. — Тула: Гриф и К, 2006 г.
12. Ходулин В. Г. Идущие сквозь время. Популярные очерки о людях, оставивших след в истории Тульского края. — Тула: 2008 г. (ОАО «Тип.«Труд»).
13. Валерий Ходулин. Настраиваю душу на добро. Стихи разных лет в 2-х кн.— Тула: «Арктика», 2016; Кн. 1.— 432 с.; Кн. 2.— 464 с.

Яков Шафран, г. Тула.

ЕЙ ДАНО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ

30 сентября 2016-го года в Концертном зале Центра образования № 22 — Лицея искусств города Тулы состоялся юбилейный творческий вечер преподавателя и поэтессы Людмилы Ивановны Сениной. Вечер стал концертом-презентацией музыкально-поэтического альбома Людмилы и Сергея Сениных «Мне дано такое счастье...». Сергей Владимирович Сенин, автор музыки —

композитор, педагог, концертмейстер, ответственный секретарь Региональной общественной организации «Объединение тульских композиторов».

Ольга Андреевна Нацаренус, ведущая вечера, всегда наполненная любовью к людям, сразу же задала душевный тон всему концерту.

Первую песню «Зимушка» на стихи юбиляра исполнила ученица 11 класса лицея Дарья Юркова.

*...И теперь будут ночи длиннее,
И короче наш жизненный путь...
Только будем друг к другу добрее,
В доброте заключается суть (слова из песни «Осень»)*

— как насыщен призыв поэтессы!

Песни «Смотрит с небес луна» и «Глаза прекрасно-голубые» представила обладательница звонкого и одновременно нежного голоса Олеся Курбатова. Словно читаешь «Песнь песней»:

*Глаз не смыкаю я.
Мысли мои о тебе.
Счастье, любовь моя!
Один ты в моей судьбе.*

Стихи «Если рядом любимый», «Порхают, будто мотыльки, снежинки», «Поздняя любовь», «Мне давно не семнадцать...» прочитала обладающая прекрасным голосом, идущим из самой души, О. А. Нацаренус.

*...Не хочу годы мерить.
Я хочу жить любя...*

— для любящего человека само время замедляет свой ход.

Студент колледжа искусств им. А. С. Даргомыжского Сергей Деньков (лирический баритон, педагог Лариса Деева) исполнил романсы: «Я буду ждать вас, журавли!» и — особенно проникновенно — «Добро и зло».

*...Несите радость и тепло,
Любовь дарите и вниманье,
Добром откликнется добро
И состраданьем состраданье*

— какая еще философия жизни нужна?

Лилия Бажанова эмоционально, с чувством, с выражением прочитала стихи: «На перроне», «На проводах повис листок», «Размышление» и «День рождения».

Преподаватель Тульской областной детской музыкальной школы им. Г. З. Райхеля Ольга Яськова прекрасным сопрано спела 2 романса: «Тоска» и «Родной, единственный, любимый». И верно — победить тоску может только любовь, любовь в великом смысле этого слова.

Так, как Ольга Нацаренус, никто, наверное, не смог бы прочитать «Ты в жизнь мою влетел, ворвался...», стихотворение, которое также подтверждает предыдущую мысль.

Студент Московского института свободных искусств и наук Евгений Хвостов (педагог Виктория Шмыкова) глубоким баритоном исполнил 2 песни: «Подарок» и «Куликово поле». Вторая песня была посвящена 625-летию Куликовской битвы. И снова, благодаря автору, мы понимаем, что земля наша русская сильна и непобедима не только мужеством и героизмом ее защитников, но и памятью.

Три песни для детей из вокального цикла «Медовая песенка» спела Маша Сенина (педагог по вокалу Лариса Деева). Непосредственность, душевность, замечательный голос — все это составляющие таланта молодой исполнительницы.

И вот сама Л. Сенина читает стихи: «Доченьке», «Счастье» и «Спешите радоваться жизни».

Песня на основе прибаутки «Лебедушка», написанная в народном стиле, неоднократно исполнялась хореографическим коллективом «Калинка» в постановке преподавателя лица искусств Галины Дроздовой. И сегодня ансамбль «Калинка» — девушки в замечательных народных костюмах — в плавном танце исполняет эту лирическую песню.

Л. Сенина родилась и выросла в живописном уголке Тульского края, в городе Алексине, отсюда, видимо, прекрасная пейзажная лирика. Дм. Минко и Л. Жарикова — учащиеся театрального отделения лица искусств (педагог Алевтина Сбитнева) прочитали стихи о природе: «Осенний пейзаж», «Весенняя зарисовка», «Апрель» и «Роза». Учащиеся того же отделения лица Л. Паламарчук и О. Стрельцова представили вниманию зрителей стихи — «Времена года», «Ромашка», «Я природу люблю», «Родничок». Словно ощущаешь себя в прекрасных уголках Тульской земли.

Член клуба авторской песни «Бригантина», обладатель Гран-при всероссийского фестиваля авторской песни «Куликово поле» Дмитрий Мельников исполнил две песни: «Юность» и «Город близкий, родной». Великолепное владение гитарой, глубоко проникающий в душу баритон и замечательные слова поэта.

Мария Сенина исполнила песню «Моя Тула». Звонкий сердечный голос — как ему соответствует строка из припева: «Тула всех добром встречает...»!

Вот и завершилась этой удивительной песней — визитной карточкой талантливой семьи Сениных — программа вечера. Заключительные слова сказала виновница этого торжества. Она поблагодарила гостей, благодаря которым, как выразилась Людмила Ивановна, и состоялся этот праздник. «Такого дня рождения у меня еще никогда не было!» — сказала она.

Звучат слова поздравления Л. Сениной и благодарности всей талантливой семье от руководства лица. Поздравление от профсоюза Пролетарского района, ключевым в котором стало: семья — достояние города. Учителя Центра образования № 42, где работает Людмила Ивановна, буквально окружили ее цветами.

Яков Шафран, г. Тула

ЧТО ТАКОЕ «ГАММЕРИЗМ»?

«Гаммеризм» получил право на жизнь еще в начале девяностых годов, когда вышла в свет в Тель-Авивском издательстве «Акад» энциклопедия современных израильских художников «Лексикон», где художественный стиль Ефима Гаммера так и обозначен — «гаммеризм».

Вот что пишет о Ефиме Гаммере доктор искусствоведения Григорий Островский, расшифровывая, так сказать, таинственный стиль художника. Откроем «Иерусалимский журнал» № 7: «И в графике, и в поэзии Ефима Гаммера слышится эхо «серебряного века» русского искусства, в изысканную метафоричность властно вторгаются космизм Велемира Хлебникова и хаотичные ритмы дадаизма. Общим остаются универсальные качества искусства Гаммера: профессионализм в работе с материалом, графическая культура, опосредованная, а нередко зашифрованная ассоциативность образных структур, развитая фантазия, густо настоящая не столько на букве иудаизма, сколько на мистике каббалы».

Исчерпывающе, не правда ли? Ну, а если нет, то чего проще: сходите на выставку в Дом Художников Иерусалима и убедитесь своими глазами, прав ли Ефим Гаммер, утверждающий, что создаваемые им графические работы — это его визуальная поэзия. Во всяком случае, такого мнения придерживаются и французские специалисты по изобразительному искусству. Много лет подряд они экспонируют работы Ефима Гаммера на международных выставках-конкурсах, проводимых французским центром искусств «Артс-Интер», который возглавляет академик Французской и Итальянской академий литературы и искусства мадам Фужиро. Последний сезон выставок завершился недавно и принес Ефиму Гаммеру «Премьер-Приз» в Арле и Золотую медаль в Лионе. Приятно сознавать, что израильский художник, создавший в обстреливаемом террористами Гило серию графических картин «Гаммеризм — Песни жизни», получил столь высокую оценку международного жюри, вступив в творческое состязание с более чем 150 художниками из Франции, Англии, США, Канады, Японии, Испании, Италии и многих других стран.

Его стиль, завоевывающий свое место под солнцем, получил международное признание и был отмечен лауреатскими дипломами на международных выставках в США, Европе, Австралии — в Нью-Йорке, Ницце, Арле, Лионе, Нью-Мехико и других городах.

Первая персональная выставка Ефима Гаммера состоялась в январе 1988 года. Она прошла в престижной галерее Иерусалима «Нора». Вторая в 1992 году в Латвийском обществе еврейской культуры города Риги. Третья в 2001 в муниципалитете Иерусалима, четвертая под названием «Гаммеризм» в Доме художников Иерусалима в 2002. На его счету участие в более чем ста международных выставках в Израиле, США, Франции, Германии, Австралии, России и других стран, на которых он был удостоен восьми гран-при и тринадцати золотых медалей.

«Иерусалимский журнал» № 7

Григорий Островский, доктор искусствоведения

ГАММЕРИЗМ ЕФИМА ГАММЕРА

Как человек становится художником, этого не знает никто: говорят, на роду написано, а кто и зачем написал, неизвестно. Но почему он именно такой, а не иной, можно понять, хотя и не всегда; к тому же умозаключения остаются на уровне догадок. Признаюсь, меня Ефим Гаммер своей непредсказуемостью нередко ставит в ту-

пик. Его путь в искусстве неординарен и парадоксален, но, по-видимому, так и положено поэту — выламываться из общего ряда тогда, когда этого никто не ожидает.

Похоже, что и сам Гаммер был удивлен, ощутив, что он — художник. Поэт, прозаик, журналист, автор нескольких книг, боксер (чемпион Израиля, а ранее — Латвии)...

Все это так, но вдруг стать художником?

По его словам, озарение пришло свыше: «Сижу дома, пишу стихи. В час ночи распахнулась дверь и вошел великий художник — имя его не назову. Сказал: «Ты должен рисовать» — и исчез. С тех пор и рисую». Так ли это было или не совсем так — какая разница, если правда художника неотделима от его воображения, а фантазия — от реальности. Куда важнее результат: Ефим Гаммер,— а было ему тогда сорок лет,— взял в руки карандаш и начал рисовать.

Удивительно то, что Ефим как бы перемахнул через ученичество и сразу стал работать профессионально: может, и впрямь чудесным образом раскрылось нечто заложенное свыше и лишь ожидавшее своего часа. Только за последние десять лет его произведения экспонировались более чем на сорока выставках — в Иерусалиме и Нью-Йорке, Токио и Париже, в Лондоне и Ницце, в родной Риге и на экзотическом острове Тасмания...

О картинах и рисунках Ефима Гаммера следует говорить как о самоценных и самодостаточных произведениях. Однако, мне кажется, еще полнее художник раскрывается в сопряжении с Гаммером — писателем и поэтом. Потому что искусство — это личность автора плюс все остальное: стиль, темы, образная система, материал и выразительные средства, техника и т.д. Но личность-то одна — неповторна и неразъёмна.

Сам художник определяет свои произведения просто, непонятно и иронично: гаммеризм. Ничего этот термин не проясняет, но в нем содержится точное и важное указание на сугубо личный, очень субъективный и индивидуальный характер творческого акта.

Привычные мерки и стандарты здесь не срабатывают, и, наверное, уж лучше таинственный «гаммеризм», чем очевидные неточность и приближительность других определений. Тем не менее, гармония, как известно, поверяется алгеброй, и рациональный подход к рисункам и картинам Гаммера без особого труда вызовет воспоминания о причудливых гротесках Франсиско Гойи и аналитическом методе Павла Филонова, сюрреалистических фантазмагориях Сальвадора Дали и «сатанинском символизме» Бориса Анисфельда.

И в графике, и в поэзии Ефима Гаммера слышится эхо «серебряного века» русского искусства, в изысканную метафоричность властно вторгаются космизм Велемира Хлебникова и хаотичные ритмы дадаизма. Общим остаются универсальные качества искусства Гаммера: профессионализм в работе с материалом, графическая культура, опосредованная, а нередко зашифрованная ассоциативность образных структур, развитая фантазия, густо настоящая не столько на букве иудаизма, сколько на мистике каббалы.

Эклектичность такого рода сегодня воспринимается как один из формообразующих признаков эстетики постмодернизма. В случае Гаммера следует говорить не об эклектике, а скорее о средостенье разнородных импульсов и впечатлений — как жизненно укорененных, так и собственно художественных, органическом синтезе всего, что может и что становится жизнестроительным материалом его искусства.

Традиция прорастает в современность, в дне сегодняшнем живится память о миновавшем, а провидческий дар художника отверзает день — или ночь — час грядущий, и все это перекрывается единой и неразъёмной личностью автора, духовная структура которой и определяет эстетический код его искусства — вербального и визуального.

И еще ироничность — скрытая или явная, лукавство — добродушное или саркастическое, игровое начало творчества, в котором «понарошку» неотделимо от «взаправду». Подозреваю автора в склонности к мистификациям, но рискую при этом сам оказаться их жертвой...

P.S. В энциклопедии современных израильских художников его художественный стиль так и назван «гаммеризм». См. «Лексикон», Тель-Авив, изд-во «Акад», 1994 (на иврите).

Газета «Джерузалем пост», 1988
Меир Роннен

Поэт, автор и радиоведущий Ефим Гаммер (родился в России, в 1945 г.), вырос в Латвии и работал журналистом в Сибири до приезда в Израиль в 1978 году. В его рисунках пером сочетаются сатирический и фантастический реализм, сатира и поэзия, плотность деталей в фантазмогории композиций. Некоторые решения Гаммера очень эффективны.

Еженедельник «Еврейский камертон», 25 апреля 2002 года.
Израиль
Владимир Ханан

«Когда говорят пушки, музы молчат» — кто не знает это крылатое выражение. «Прекрасные слова, — сказал бы один из мудрых героев Фазиля Искандера, — но не для наших условий». И впрямь: если бы израильские Музы молчали всякий раз, когда говорят пушки, они молчали бы слишком часто, если бы вообще начали говорить. Поэтому израильские Музы не молчат — они говорят, и их голоса иногда перекрывают громкие, агрессивные голоса пушек.

27 апреля в 12 часов дня в иерусалимском Доме художников открылась персональная выставка Ефима Гаммера — человека, которого не нужно представлять израильской публике. Я сознательно не написал «художника Ефима Гаммера», ибо «хозяин» этой выставки является также известным — и весьма плодовитым — литератором и журналистом, знакомым русскоязычным читателям как своими книгами, так и многочисленными газетными публикациями.

Но сейчас — о художнике Гаммере.

На последней выставке международного центра искусств «Артс-Интер», проходившей в южнофранцузском, воспетом Ван-Гогом, городе Арле, работы Ефима Гаммера были удостоены высшей награды — «Премьер-приза». Следует заметить, что это не единственная высшая международная награда нашего земляка. В феврале 2002 года золотой медали были удостоены рисунки Ефима Гаммера, названные им «Песнями жизни». Название, — добавим мы, — символизирующее оптимизм и жизненную стойкость как самого художника, так и нашего народа.

Опубликовано в информационно-аналитическом издании Еврейской Конфедерации Украины «Еврейский обозреватель»

«ХЕТ-ТРИК» ЕФИМА ГАММЕРА

Французский международный центр искусств «Артс-Интер», возглавляемый академиком Французской и Итальянской академий литературы и искусства мадам Фу-жиро, открыл осенне-зимний сезон выставкой в городе Вердене. В ее экспозиции

свыше 360 картин и скульптур из разных стран Франции и США, Италии и Испании, Бельгии и Финляндии, Швейцарии и Португалии.

На выставке в Вердене графические работы Гаммера из цикла «Гаммеризм — песни жизни», выполненные пером и тушью, удостоены медали наивысшей пробы и «Премьер-приза» в номинациях «Графика» и «Рисунок». Накануне Нового года Ефим Гаммер получил свои награды из Франции.

Тем самым, применительно к ситуации, можно утверждать, что в 2006-й он вступил, установив своеобразный «хет-трик». Художник Гаммер занял первое место на международном конкурсе во Франции. Писатель Гаммер 21 октября 2005 года был удостоен в Москве литературной премии России «Золотое перо Руси» в номинации «проза».

А 29 ноября прошлого года писатель и художник Ефим Гаммер вспомнил еще о том, что он старейший в мире действующий боксер и тринадцатый (!) раз подряд стал чемпионом открытого первенства Иерусалима. И это в год своего 60-летия!

Марк Бенарон, г. Иерусалим, Израиль

Валентин Огнев

(г. Щекино)

КНЯЗЬ И КРЕСТЬЯНКА

Повествование о князе А. П. Голицыне и его жене
Елене Ивановне

Родился в 1956 году д. Вишневая Становлянского района Липецкой области. По образованию юрист, полковник милиции в запасе. Награжден правительственными и ведомственными медалями. Женат, имеет двоих детей, внучку. Находясь на пенсии, занимается изучением истории населенных пунктов Становлянского района Липецкой области и Ефремовского района Тульской области. Проводит генеалогические исследования своего рода. Автор 12 публикаций по краеведческой тематике в СМИ Тульской и Липецкой областях. Участник IV Областной генеалогической выставки «Тульские родословия. История и современность» по теме «Родословная Огневых».

Автор четырех книг: «Храм Казанской Божией Матери села Ламское» (2010 г.), «Край родной дикого поля» (2011 г.), «Край родной. Великая Отечественная война» (2015 г.), «Край родной. От смутного времени» (2016 г.).

Один из авторов проекта «Синодики Тульской губернии». В сборниках № 2 — 2014 года, №№ 3, 4 — 2015 года «Областные церковно-краеведческие чтения при Тульской Духовной семинарии» опубликованы работы В. М. Огнева на православную тематику.

Участник Международного конкурса эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», посвященного 70-летию Великой Победы и 50-летию учреждения почетного звания «город-герой». В книге воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...», вышедшей в 2015 году, напечатана работа В. М. Огнева «Увековечим память». В 2016 году вышла из печати книга «Край родной. От Смутного времени...».

Голицыны — один из древнейших и многочисленных княжеских родов в России, ведущий свою родословную от сына великого князя Литовского Гедимина, Наримунда, который княжил в Новгороде XV века и при крещении получил имя Глеб. Род князей Голицыных внесен в V часть родословной книги Санкт-Петербургской, Московской, Тверской, Курской, Владимирской, Нижегородской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тульской и Черниговской губерний Российской империи. Свое повествование хочется посвятить князю Голицыну Александру Петровичу, последнему помещику села Ламское Ефремовского уезда Тульской губернии (ныне Липецкая область Становлянский район). Князь Александр Петрович, как и все Голицыны, вошел в историю как государственный и общественный деятель. Но отдельный интерес вызывает его женитьба на крестьянке, так и другие отдельные факты из его жизни. В последние годы все публикации о князе пишутся на основе «воспоминаний старожилов». Но очевидцев жизни князя уже давно нет в живых, а их воспоминания «старожилами» рассказываются на свой лад, что-то упуская, что-то рассказывая по своему восприятию. Многие воспоминания не подтверждаются, а встречается просто вымы-

сел. Поэтому данное повествование основывается на архивных документах, а воспоминания — это отдельный рассказ. Всю родословную князя описывать не будем, а свое описание начнем от его деда Петра Алексеевича Голицына.

Дед князя — герой войны 1812 года, гвардейский ротмистр князь Петр Алексеевич Голицын (1792—†1842), владелец обширного имения и усадьбы Столбово в Гжатском уезде Смоленской губернии. Петр Алексеевич был женат на красавице-полячке Елизавете Антоновне Злотницкой. Голицын с женой лето проводили в своей усадьбе, а на зиму выезжали за границу или в Петербург. В 1837 г. они с детьми (трое сыновей и две дочери) переехали на постоянное жительство за границу, продав свое имение Столбово брату жены Злотницкому. Под Парижем князь купил парк, землю Фретольи, а в Париже отель на улице Барбе. Под влиянием жены он принял католичество, католиками стали и их дети. В связи с долгами, затратами на сыновей и дочерей Голицыны продали дом и землю Фретольи. 16 октября 1842 года князь Петр Алексеевич умер.

После смерти отца сын Антон приехал в Россию, выкупил имение Столбово, записал его на свое имя и вступил во владение им. Здесь и начались ссоры между родственниками. Его брат Августин, зятья и сестры подали на высочайшее имя жалобу о том, что имение должно принадлежать всему семейству. Рассмотрение жалобы прошло в нескольких инстанциях. Имение было разделено между наследниками — вдовой и детьми. Получил свою долю и один из сыновей князь Петр Петрович — сельцо Самково с деревнями, 2 дворовых и 77 душ мужского пола. После раздела имения враждующие стороны продолжали жить в основном за границей, уже не общаясь между собой.

Отставной поручик кабардинского полка князь Петр Петрович Голицын родился 25 июня 1827 года в селе Столбово в Гжатском уезде Смоленской губернии. 30 апреля 1850 года князь в Санкт-Петербурге зарегистрировал брак с Юлией Александровной Чертковой, рожденной 12 января 1827 года. Юлия Александровна являлась дочерью помещика штабс-капитана Александра Дмитриевича Черткова, владельца имения в селе Ламское с деревней Товарковой Ефремовского уезда Тульской губернии. В 1851 году по дарственной записи Александр Дмитриевич Чертков передает свое имение дочери, которая уже является поручицей и княгиней, женой поручика князя Петра Петровича Голицына. Сведений о том, что семья Голицыных после свадьбы или же после получения имения переехала проживать в имение села Ламское, нет. Все обстоятельства указывают на то, что в селе Ламское они длительное время не проживали или приезжали на очень короткий срок. Это подтверждается следующими обстоятельствами. 16 июня 1852 года у Голицыных родился первый сын Александр Петрович. В современных родословных, в формулярных списках о службе и других документах его место рождения не указано. И только в книжном издании 1892 года Голицына Николая Николаевича «Род князей Голицыных. Материалы родословные» указано место рождения Александра Петровича — «род. 16 июня 1852 года, в Сокольниках, под Москвою». В Сокольниках Дмитриевского уезда Московской губернии находилось имение Голицыной (Апраксиной) Натальи Степановны (1794—†1890). Указом Правительствующего Сената от 7 февраля 1853 года за № 2996 Александр Петрович внесен в родословную книгу дворян Смоленской губернии.

Также и дочь, и второй сын Петра Петровича не были уроженцами села Ламское. Дочь Софья Петровна Голицына (Муромцева) родилась 26 марта 1855 в г. Москве, а Дмитрий Петрович Голицын родился 6 декабря 1860 года в Висбадене, Германия. В 1912 году Дмитрию Петровичу, вместе с нисходящим потомством, было разрешено именоваться князем Голицыным-Муравлиным. Жена Петра Петровича Юлия Александровна умерла в 1864 году в Париже и похоронена на кладбище Montmartre. Вто-

рая жена, Наталья Александровна Казакова (брак зарегистрирован 21 июля 1871 года в г. Москве), умерла в 1975 году в Москве, похоронена на кладбище Алексеевского монастыря. Все эти факты говорят о том, что Петр Петрович Голицын с семьей постоянно не проживали в имении села Ламское Ефремовского уезда Тульской губернии. В родословной книге также не говорится о вероисповедании Петра Петровича. В книге на других лиц указывалось другое вероисповедание, отличное от православного.

Старший сын Петра Петровича Голицына Александр Петрович в 1872 году окончил Императорский Александровский лицей и 16 декабря 1872 года с Высочайшего соизволения определен на службу в Государственную Канцелярию с чином коллежского секретаря и зачислен сверхштатным чиновником с жалованием 200 рублей в год. За выслугу лет с 16 декабря 1875 года Александр Петрович повышен в чине — в титулярные советники со старшинством. Данное повышение произведено на основании определения Департамента Герольдии Правительствующего Сената.

Князь Александр Петрович служил в Государственной Канцелярии до 30 июня 1881 года. На основании приказа № 18, исправлявшего должность Государственного секретаря, по прошению князя, он уволен со службы по болезни. При выходе в отставку определением Департамента Герольдии Правительствующего Сената 18 августа 1881 года Александр Петрович повышен в чине, произведен в Коллежские асессоры. Послужной список указывается в аттестате, выданном князю при выходе в отставку на основании формулярного списка о его службе. Во время службы князю предоставлялись отпуска, которые он проводил за границей. Но Александр Петрович посещал и имение в селе Ламское Ефремовского уезда. Известно, что он был воспитанником при крещении сына священника Казанской церкви с. Ламское Ефремовского уезда Павла Геролева. Крещение происходило в Казанской церкви с. Ламское 6 июня 1879 года.

В аттестате князя также указывается, что он «вероисповедания православного, происходит из князей Российской империи. Имение за ним значится родовое в Тульской губернии Ефремовского уезда с. Ламское, при коем состоит за наделом крестьян 2100 десятин земли и каменный дом в Москве». Здесь мы видим, что Александр Петрович православного вероисповедания. Когда было вновь принято семьей князя православное вероисповедание, на настоящий момент не установлено, документы о данном факте не выявлены. Землей князь Александр Петрович владел совместно с сестрой и братом.

Исходя из вышеуказанных сведений, после ухода в отставку начинается государственная и общественная деятельность князя в Ефремовском уезде Тульской губернии, происходят изменения в его личной жизни.

Александр Петрович Голицын, проживая в Ефремовском уезде, село Ламское, Ефремовским уездным земским собранием 30 сентября 1884 года избирается, а Указом Сената 30 ноября 1884 года № 4624 утверждается в должности почетного мирового судьи Ефремовского округа. Почетный мировой судья не имел камеры, не принимал, в виде общего правила, участия в судебном разбирательстве в суде первой инстанции, и служебные обязанности его начинались лишь с момента пребывания в избравшем его округе, т. е. он не обязан был постоянно проживать в округе. В судебном разбирательстве почетный мировой судья участвовал в тех случаях, когда стороны сами обращались к его посредничеству. Они были прикреплены к мировому округу, совпадавшему с уездом. Почетный судья имел право занимать всякую должность по государственной и общественной службе, за исключением должностей прокуроров, их товарищей и местных чиновников казенных управлений и полиции, а также должности волостного старшины и обязанности церковнослужителя. Почетный мировой судья не получал за свой труд вознаграждения.

Имея имение в Тульской губернии, проживая в нем, Александр Петрович числился в Смоленской Дворянской родословной книге. Дворяне, владевшие в губернии недвижимым имуществом, подлежали записи в родословные книги этой губернии, которые осуществлялись лишь по ходатайствам этих дворян. Каждый дворянин, в особенности не служащий, должен был записываться в родословную книгу той губернии, где он имел постоянное место жительства. Поэтому князь Александр Петрович 31 августа 1885 года в Тульское Дворянское Депутатское собрание обращается с прошением о внесении его «в Тульскую Дворянскую родословную книгу под именной указ». В своем прошении он указывает, что владеет недвижимым имуществом, общее с братом, в количестве 1972 десятин земли в Ефремовском уезде при селе Ламское и имеет постоянное местожительство при этом селе. Коллежского асессора князя Александра Петровича Голицына вносят в Тульскую Дворянскую родословную книгу в пятую часть.

По окончании срока службы в должности почетного мирового судьи Ефремовского округа, 8 октября 1887 года Александр Петрович был избран на второе трехлетие Ефремовским уездным земским собранием на ту же должность. Указом Сената № 59 в этой должности он утвержден 22 января 1888 года. Но 17 марта 1888 года князь назначается на должность исполняющего делами мирового судьи 3-го участка Ефремовского округа, а 1 сентября 1890 года распоряжением господина Министра Внутренних дел утвержден начальником 3-го участка Ефремовского уезда.

Среди дворянства Ефремовского уезда князь Александр Петрович Голицын пользуется авторитетом, несмотря на бракосочетание с крестьянкой. О данной истории будет описано ниже. На чрезвычайном Ефремовском уездном Дворянском собрании 19 сентября 1892 года князь Голицын Александр Петрович избирается на должность Ефремовского уездного предводителя дворянства, а в этой должности утверждается 9 октября 1892 года. В этой должности он переизбирался и состоял до декабря 1902 года. За государственную службу и общественно-полезную деятельность князь Александр Петрович 30 августа 1893 года награжден Орденом Св. Станислава 2-й степени. Также 14 мая 1896 года ему пожалован Орден Св. Анны 2-й степени.

В формулярном списке о службе Голицына Александра Петровича указывается, что он в 1896 году избирался почетным мировым судьей Ефремовским уездным земским собранием, а Указом Правительственного Сената № 12199 от 19.09.1896 года утвержден в должности.

Князь Голицын Александр Петрович имел непосредственное отношение к коронации Николая II. Коронация состоялась в мае 1896 года. На Чрезвычайном Тульском Губернском Дворянском собрании князь Александр Петрович Голицын был избран ассистентом при Тульском Губернском Предводителе дворянства для поздравления и поднесения хлеба соли их императорскому Величеству по случаю Священного Коронования. На основании этого решения князь принимал участие в Священной коронации Николая II. В память Священного Коронования он награжден Большой серебряной медалью и серебряной медалью на Андреевской ленте.

В России первая перепись населения проходила в 1897 году. Лица обоего пола безвозмездно выполнявшие работы при проведении первой всеобщей переписи населения в 1897 году награждались медалями «За труды по первой всеобщей переписи населения». Данной медалью был награжден и Александр Петрович Голицын.

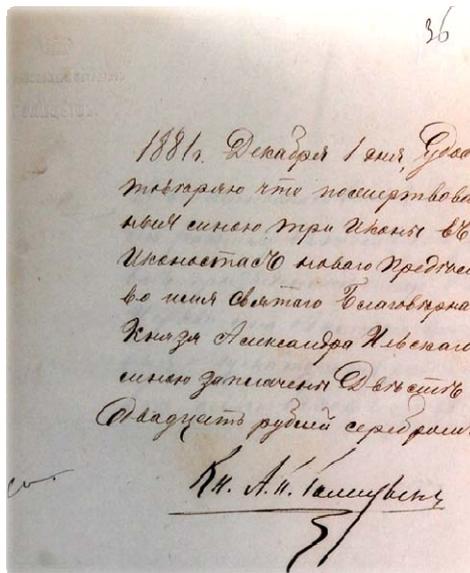
В 90-х годах 19 века и в начале 20 века князь Голицын Александр Петрович имел повышения в чине. Указом Правительствующего Сената от 2 декабря 1893 года за № 147 произведен за выслугу лет, как бывший мировой судья, в Надворные советники со старшинством, а Указом от 25 февраля 1895 года — в Коллежские советники со

старшинством. Старшим советником князь становится на основании Высочайшего приказа № 33 от 26 апреля 1897 года. 16 декабря 1902 года князя Александра Петровича Голицына назначают вице-губернатором Калужской губернии. В данной должности он состоял до 17 декабря 1905 года. И в 1905 году он произведен в действительные статские советники.

Александр Петрович осуществлял благотворительные пожертвования для Казанской церкви села Ламское. В 1881 году он выделял 1000 рублей на строительство придела, а по окончании строительства подарил три иконы для иконостаса. В 1890 году князь строит сторожку для церкви, которая использовалась для школы грамоты. С двух сторон церкви отсутствовала ограда и в 1891 году Александр Петрович строит каменную ограду. Церковным старостой Казанской церкви Александра Петровича избрали в 1890 году. Обязанности старосты он исполнял по 1894 год.

Голицын Константин Александрович обучался в Калужской гимназии, в Александровском Красносельском лицее. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся, служил в 18-м гусарском полку. Участник Первой Мировой войны. С 1918 года воевал в Добровольческой армии. Летом 1920 года попал в плен под Одессой, отправлен в Киев и заключен в тюрьму. Вскоре освобожден и отправлен на польский фронт в составе дивизии Красной Армии. После демобилизации вернулся в Киев, работал юрисконсультом киевского филиала «Главпроекта». 15 декабря 1930 года Константина арестовали в Киеве как «участника контрреволюционной монархической организации», 20 апреля 1931 мая приговорили к ВМН и 9 мая расстреляли. Князь Константин Александрович Голицын является, по мнению исследователей, наиболее вероятным историческим прототипом героя романа «Поручик Голицын». Поручик Константин Голицын служил вместе с корнетом Оболенским, ведал вопросами вооружения и боепитания. И вот слова из песни — «Раздайте патроны, поручик Голицын, Корнет Оболенский, налейте вина!»

А теперь — несколько слов о семейной жизни князя Голицына Александра Петровича, она связана с редким случаем в жизни дворян. После окончания службы в Государственной Канцелярии Александр Голицын приезжает в свое имение села Ламское Ефремовского уезда Тульской губернии. В имении он знакомится со своей будущей женой крестьянкой Еленой Ивановной. В современных родословных Елена Ивановна записана как Кирюхина (Кириякина), 1864 года рождения. Ее место рождения в известных документах не указано. Крепостные крестьяне села Ламское в ревизской сказке 1857 года записаны пофамильно, а до данного документа крестьяне пофамильно не указывались, не имели фамилий. Фамилию Кирюхины получили несколько семейств, данная фамилия в селе существует и в настоящее время. Фамилия Кириякины в селе не существовала. Елена Ивановна значитесь Кирюхиной по первому браку. Мужа направили на службу в армию. Находясь в браке, Елена Ивановна стала сожительствовать с князем Александром Петровичем. 15 августа 1883 года у

них в Москве рождается первый ребенок — дочь Софья, а 11 декабря 1884 года второй ребенок — сын Александр. Третий ребенок — дочь Вера родилась в с. Ламское 22 июля 1887 года. Дети считались незаконнорожденными, т. к. родились вне их официального брака.

В 1889 году князь Александр Петрович Голицын и Елена Ивановна регистрируют брак. В метрической книге о бракосочетавшихся Казанской церкви с. Ламское Ефремовского уезда Тульской губернии за 1889 год значится запись № 11: июля второго числа села Ламского помещик Коллежский Ассессор Князь Александр Петрович Голицын 36 лет, православный, повенчан первым браком с Ефремовскою временной купчихой Еленой Ивановной Першенковой 27 лет, православного, вторым браком по расторжению первого брака законным порядком. Венчание было проведено священником Павлом Геролевым с причтом. Поручителями по жениху были Коллежский Ассессор Аркадий Аркадьевич Коптев и Ефремовский земской врач Бутырского медицинского участка Григорий Васильевич Александровский, а по линии невесты — Кандидат права Московского университета Аркадий Николаевич Широких и дворянин Сергей Павлович Батулин. В приведенном документе не указано место рождения Елены Ивановны, а указывается ее возраст — 27 лет, т. е. 1862 года рождения. Так же Елена Ивановна значится уже под фамилией Першенкова. Возможно, это ее девичья фамилия, но не установлены ее документы о рождении. Уже в современных публикациях искажают и данную фамилию, печатают фамилию как Першинкова. Звание временной купчихи Елена Ивановна, видимо, получила для того, чтобы показать, что князь женится не на простой крестьянке. Но в родословной Голицыных, составленной князем Н. Н. Голицыным и изданной в 1892 году, данные о жене Александра Петровича не указаны. Сделана следующая запись: «с 1888 женат на №№ (2 детей)». Родственники князя были недовольны его браком на крестьянке и, видимо, поэтому сделана такая некорректная запись. О том, что князь женат на Елене Ивановне Першенковой, сделана запись в его формулярном списке о службе за 1893 год. Также в т. 3 (12): Родословец, ч. 5: Материалы (1), составленным сост. В. И. Чернопятовым и изданном в 1909 году, указано, что у князя Александра Петровича Голицына жена с 1889 года Елена Ивановна Першенкова.

После свадьбы Александр Петрович начинает решать вопросы о признании законнорожденными детей Софью, Александра, Веру, рожденными вне брака с Еленой Ивановной и о сопричислении их и жены к роду Князей Голицыных. 22 декабря 1892 года Тульский Окружной суд по гражданским делам рассматривал дело по прошению Коллежского асессора князя Александра Петровича и его жены княгини Елены Ивановны Голицыных об узаконии незаконнорожденных детей их Софьи, Александра и Веры. В своей резолюции суд определил, что «детей Коллежского асессора князя Голицына и жены его княгини Елены Ивановны Голицыной Софью, Александра и Веру, рожденными до их брака, последовавшего 2 июня 1889 года, узаконить к Голицыным со всеми правами законных детей со дня вступления родителей в брак». В резолюции также указано, что Духовной консистории необходимо выдать на детей новые узаконенные свидетельства о рождении по установленной форме.

В 1893 году решился вопрос о сопричислении к Роду Князей Голицыных детей и Елены Ивановны. Первоначально по данному факту 30 октября 1893 года было принято постановление Тульского Дворянского Депутатского собрания, а 10 декабря 1893 года вышел Указ его Императорского Величества самодержца Всероссийского из Правительствующего Сената № 6216 об утверждении постановления Тульского Дворянского Депутатского собрания «о сопричислении жены Коллежского асессора Князя А. П. Голицына Елены Ивановой и детей их Софьи, Александра и Веры к роду Голицыных, признанному определением Правительствующего Сената 27 января 1853

года в княжеском достоинстве со внесением в пятую часть дворянской родословной книги». Этим же Указом в дворянскую родословную книгу были внесены сыновья Николай и Петр. В последующие годы после рождения каждого ребенка в семье Голицыных, они вносились в дворянскую родословную книгу.

Всего в семье Голицыных было 10 детей: дочь Софья (1883—†1965), была замужем с 1912 года за Чахотиным Н. С. (1885—†1973); сын Александр (1884—†1921); дочь Вера (1887—†1959), была замужем с 1906 года за Буше Д. Н. (1884—†1929); сын Николай (1889—†1965), был женат с 1911 года на Рычковой М. В. (1890—†1964); сын Петр (1891—†1899); сын Константин (1893—†1931), был женат на Свечиной Л. А. (1897—†1984), после расстрела отца дети взяли фамилию Свечиных; сын Сергей (1894—†1967), первая жена с 1915 года (разведен 1937г.) Гажицкая Е. А. (1896—†1992), вторая жена с 1938 года Барбара Роза Ламберт (1899—†1974); сын Дмитрий (1896—†1938), был женат с 1931 года на Беклемишевой О. В. (1899—†?); сын Петр (1900—†1966), был женат с 1932 года на Челищевой А. В. (1904—†1994); сын Владимир (1903—†1923). Судьба отдельных детей князя Голицына А. П. сложилась следующим образом.

Голицын Александр Александрович в 1921 году арестован в Симферополе и заключен в тюрьму, где и скончался.

Дмитрий Александрович Голицын получил высшее образование. Участник Первой мировой войны, после 1918 года работал прорабом. В 1924 году арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1928 году, благодаря ходатайству юридического отдела Помполита, досрочно освобожден с высылкой в Казахстан на 3 года. Проживал в Балхаше Карагандинской области, работал прорабом геодезического бюро. 19 декабря 1937 года арестован как «участник контрреволюционной террористической организации», 27 декабря приговорен к ВМН и 7 января 1938 года расстрелян. 21 апреля 1989 года реабилитирован.

Княгиня Елена Ивановна умерла 4 января 1909 года и была захоронена 6 января на приходском кладбище. Об этом имеется запись № 1 в общей метрической книге Казанской церкви с. Ламское Ефремовского уезда Тульской губернии за 1909 год. Князь Александр Петрович построил часовню-усыпальницу. Часовня сохранилась до наших времен. В усыпальнице часовни прах княгини отсутствует. Известно, что после революционных событий 1917 года группа крестьян проникли в усыпальницу, вынесла гроб с прахом княгини и около часовни растоптали прах ногами. Но по данному факту документальные подтверждения не установлены.

Здание и усыпальница часовни длительное время использовалась под хозяйственные нужды. В 2009 году часовня была отремонтирована, на ней воздвигнут крест. 1 мая 2010 года рядом с часовней было выбрано место под строительство будущего храма, вместо разрушенного. Часовня стала являться пристройкой вновь воздвигнутой Казанской церкви. Через нее осуществляется главный вход в церковь.

Вторая жена Голицына А. П. с 1911 года Шастова Надежда Николаевна (?—†1933), умерла в Венгрии). Детей у них не было.

Повествование будет не полным, если не расскажем о судьбе усадьбы Голицыных. Недалеко от Казанской церкви с. Ламское стоит одноэтажное строение. Со стороны улицы вход с колоннами. Аналогичные колонны и вход с другой стороны дома. Это дом Голицыных, оставшийся от усадьбы.

Уничтожение усадьбы началось в ходе революционных событий 1917 года. В летний период, а в особенности в осенний произошли погромы недвижимости дворян, помещиков. Не обошли они и усадьбы Голицыных, расположенные в с. Ламское и на хуторе Муравлин Ефремовского уезда Тульской губернии. После событий 1917 года семья Голицыных покинула село Ламское. А 8 октября 1918 года комисариат

земледелия Березовской волости Ефремовского уезда проводит опись объектов недвижимости помещика А. П. Голицына при селе Ламское.

Опись недвижимого имущества заканчивается кратким описанием: «Имение приспособлено было к землепользованию в широком масштабе; постройки причинно расположены на 12 десятинах, стоит на реке «Семенек». Имеется фруктовый сад из 8 десятин. Прудов нет. Колодец имеется, но попорчен. От погрома пострадало незначительно (в смысле разрушения построек)». Описывалась и усадьба на хуторе Муравлин.

Описание по данной усадьбе делается следующее: «Хутор приспособлен для молотбы хлеба, хранения картофеля, а также для обработки поля, далеко отстоящего от Кличину. Постройки расположены на 5 десятинах. Сада нет, имеется два пруда и два небольших березово-дубовых леса. Колодца не имеется. От погрома пострадали постройки незначительно. 11 октября 1918 года».

Недвижимое имущество Голицыных побывало в распоряжении различных организаций и учреждений. Оно постепенно по частям распродалось, расхищалось. Так, в сентябре 1919 года комендант войсковых зданий Ефремовского Уездвоенкома передает по описи недвижимое имущество Голицыных в с. Ламское в Уземотдел. В описи уже указывается большое количество разрушений в зданиях, отсутствие рам на окнах, дверей и т. д. В феврале 1921 года на базе усадьбы в с. Ламское создается агропункт № 7 по производству сельхозпродукции. Агропункту выделяется 24 десятины земли — пашни, сада и огорода, ранее принадлежавших Голицыным, мельница. Руководству агропункта разрешался слом неиспользованных помещений, материалы которых разрешили продавать. Так, в декабре 1921 года осмотрен и был описан для продажи так называемый «Красный двор», осмотрены остатки материала, оставшиеся от разрушенного помещения для коров, и части верхнего конного двора. В марте 1922 года устанавливается цена на листы железа, снятые с помещений усадьбы, по 5 фунтов ржи за лист. Продавались каменные стены «Красного двора». Каждый погонный сажень стены был оценен в 15 фунтов ржи или 45 фунтов картофеля, а мусор оценивался в 6 фунтов ржи или 15 фунтов картофеля.

Вследствие этих действий и последующих усадьбы Голицыных были уничтожены. В настоящее время мы видим, что хутор Муравлин не существует, а от усадьбы Голицыных в с. Ламское осталось одно здание. Оно уже несколько лет пустует, здание разрушается.

Князь Александр Петрович Голицын был последним из дореволюционных владельцев имения в селе Ламское и первым из князей Голицыных, женившийся на крестьянке. О князе Голицыне с Орловщины, также связавшем свою семейную жизнь с крестьянкой, это уже другая история.

На фото: Документ из архива ГУ ГАТО, подтверждающий покупку трех икон.

Валерий Маслов
(г. Тула)

ИВАН БУНИН И ТУЛЬСКИЙ КРАЙ

* * *

*— И цветы, и шмели, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»*

Эти строки величайший русский писатель и поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе Иван Алексеевич Бунин напишет на склоне лет в эмиграции, на французской земле. И навеяны такие строки были у него тоской воспоминаний и ностальгией по русской земле, красотам тульского края, с которым у поэта было связано много самых лучших и теплых воспоминаний.

Тульская земля всегда привлекала к себе творческие личности. Отсюда вышли многие выдающиеся деятели культуры, писатели, художники, композиторы. В наш край приезжали, здесь жили и творили люди, прославившие Россию на весь мир.

Одним из них был классик отечественной литературы Иван Алексеевич Бунин. Он неоднократно бывал в городе Туле, в Ефремове и его окрестностях. Здесь жили его мать и сестра. Особенно полюбилось писателю имение его брата Евгения Алексеевича — Огневка, расположенное в Ефремовском уезде Тульской губернии. Именно здесь он черпал вдохновение, когда писал одно из своих лучших произведений — повесть «Деревня». Да и многие его другие стихи, повести, рассказы и переводы (в их числе рассказ «Антоновские яблоки») Иван Бунин написал под впечатлением от красот здешнего края.

*«И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав».*

Ефремовский край по праву называют «тульской Венецией». Великолепная русская река «Красивая меча», живописные берега, холмы, заливные луга, неповторимые красоты бескрайних просторов среднерусской возвышенности — все это не могло оставить равнодушным такого впечатлительного человека, как Иван Бунин. Недаром в письме к своему другу А. М. Федорову 1 августа 1900 года он сообщает: «Много пишу, читаю, словом, живу порядочной жизнью, а это... кажется, только и можно делать, что в Огневке».

Именно здесь поэт написал такие вдохновенные лирические стихотворения, как

«Все лес и лес. А день темнеет», «Дымится поле, рассвет белеет», «Как светла, как нарядна весна» и многие другие.

А вот его строки письма из Ефремова, адресованного Ю. А. Бунину (28 мая 1901 года): «Я как в тумане от работы и сиденья, хотя благодаря жаре... и пыли дело плохо идет, и потому пишу тебе мертво. Положение дел таково: мать все время в Ефремове... Тружусь упорно...»

В это время здесь у него рождаются стихотворения, продолжающие классические традиции русской поэтической лирики. В стихотворном сборнике «Листопад» (1901 год) А. И. Бунин показал не только красоты родной природы, но и оскудение дворянских усадеб, губительное забвение нравственных основ жизни. Ностальгическая поэтичность — так можно охарактеризовать лирику и художественный строй произведений этой книги.

Поэзия Бунина в тульский период его жизни отличалась преданностью классической традиции, и эта черта в дальнейшем пронижет все поэтическое творчество классика русской литературы. Конечно, литература, принесшая ему известность, сложилась под влиянием Пушкина, Фета, Тютчева. Но она обладает только ему присущими качествами. Иван Бунин тяготеет к чувственно-конкретному образу. Картина природы в бунинской поэзии складывается из запахов, остро воспринимаемых красок и звуков. Особую роль в его поэзии играет эпитет, используемый Буниным как бы подчеркнуто субъективно, произвольно, но одновременно наделенный убедительностью чувственного опыта.

Как настоящий писатель, как поэт с острым восприятием жизни, как человек, который наблюдает и замечает все вокруг, он добавляет в том же письме брату: «В Ефремове — страшная нищета». Поэтому многое из увиденного и пережитого писателем в Огневке, Ефремове и описанного им в его «Деревне», других прозаических и стихотворных произведениях, изображено так поразительно правдиво и интересно. Как пишет исследователь писателя А. Бабореко, автор интересной книги о Бунине, прототипом Горизонтова из рассказа «Чаша жизни» (1913 год) «отчасти послужил, по устному свидетельству писателя С. И. Малашкина, преподаватель духовного училища в гор. Ефремове. Подобно герою рассказа, он обычно ходил с парусиновым зонтом и в калошах, купался летом и зимой в Красивой Мечи и продал свой скелет для анатомических целей».

Характерно, что поэт и писатель, уроженец деревни Хомяково Ефремовского уезда Сергей Иванович Малашкин, который неоднократно встречался с Буниным в Ефремове, оставил много воспоминаний об Иване Алексеевиче. И это еще раз свидетельствует о том, что Бунин и Тульский край неразрывно связаны.

Картины окрестностей Ефремова, природа и красоты родного края воссозданы им во многих стихотворных и прозаических произведениях. Бунин считал, что именно в Средней России, к которой относились Тульская губерния и Ефремовский уезд, зародился и постоянно обогащался прекрасный русский язык. Это особенно зримо отразилось в его литературном труде «Жизнь Арсеньева». Герой этого произведения попадает в Кропотово (у Бунина — Кроптовка), родовое имение отца М. Ю. Лермонтова. «Перед нами был выгон, за выгоном — давно необитаемая мелкопоместная усадьба, которую красил немного только сад, неподвижно поднимавший в бледно-голубом небосклоне, за небольшим домом, свои черные верхушки. Я сидел и, как всегда, попадая в Кроптовку, смотрел и думал: да ужели это правда, что вот в этом самом доме бывал в детстве Лермонтов, что почти всю жизнь прожил тут его родной отец? ...Да, вот Кроптовка, этот забытый дом, на который я никогда не могу смотреть без каких-то бесконечно-грустных и неизъяснимых чувств».

Писателю были интересны не только быт, жизнь и нравы обитателей тульского

края. Он изучал и описывал деятельность других творческих личностей, связанных с Тулой и областью. Так, в наброске «К будущей биографии Н. В. Успенского», относящемся к 1890 году, И. Бунин рассказывает о некоторых фактах жизни этого писателя-демократа, уроженца Тульского края. В девятом томе собрания сочинений писателя (Москва, издательство «Художественная литература», 1966 год, стр. 494—501) описывается, что И. Бунин собрал эти сведения в Ефремове и Огневке.

Иван Алексеевич Бунин закончил свой путь на далекой чужбине. Его тело похоронено на русском кладбище в Сен-Женьев де Буа во Франции. Однако он, будучи в Ефремове, неоднократно восхищался красотами этой «тульской Швейцарии» и мечтал быть похороненным именно здесь. Мечта великого русского писателя, к сожалению, не сбылась. Но он оставил тулякам право гордиться, что с его именем теперь навечно связан наш край, что он прославил и нашу тульскую землю.

